

ISSN 2305-3453

ИЗВЕСТИЯ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Электронное издание

2026/2

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по
надзору в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций
(РОСКОМНАДЗОР).

Свидетельство о регистрации
Эл № ФС77-66386
от 14 июля 2016 г.

Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ)
на платформе научной
электронной библиотеки
eLibrary.

Форма периодического
распространения: сетевое
издание.

✉ Адрес редакции
670000, Республика Бурятия,
г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, д. 5,
ауд. 1306 (дирекция ИнЭУ)
☎ (3012) 297-160, доб. 341
inser@bsu.ru

✉ Адрес издателя
670000, Республика
Бурятия, г. Улан-Удэ,
ул. Ранжурова, д. 4
☎ (3012) 297-160, доб. 137
rio@bsu.ru

Перевод на английский язык
выполнен авторами статей
Редактор *А. М. Барлуков*
Компьютерная верстка
Н. Ц. Тахинаевой

Формат 60x84 1/8.
Уч.-изд. л. 6,24.
Усл. печ. л. 11,04.
Заказ 104.
Дата выхода в свет 08.07.2026 г.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова»

Журнал основан в 2012 г.

Выходит 4 раза в год

ИЗВЕСТИЯ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Электронное издание
Сайт: <https://journals.bsu.ru/journals/inser.pro/>

2026/2

ISSN 2305-3453

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Барлуков Александр Михайлович, кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой прикладной экономики, Бурятский государственный
университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия

Заместитель главного редактора:

Субанакوف Георгий Юрьевич, кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономической теории, государственного и муниципального
управления, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзаро-
ва, Улан-Удэ, Россия

Члены:

Атанов Николай Иванович, доктор экономических наук, профессор,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ,
Россия

Дондокова Елена Буянтуевна, доктор экономических наук, профессор, Вос-
точно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
Улан-Удэ, Россия

Мелентьев Борис Викторович, доктор экономических наук, профессор,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск, Россия

Слепнева Людмила Романовна, доктор экономических наук, профессор,
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управле-
ния, Улан-Удэ, Россия

Суходолов Александр Петрович, доктор экономических наук, профессор,
Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

Ответственный за выпуск *А. М. Барлуков*

© Бурятский госуниверситет им. Д. Банзарова, 2026

Цель электронного издания:

Генерирование и транслирование новых знаний и опыта в области экономики, управления, экономической социологии и психологии; ознакомление читателей с передовым мировым опытом по всему спектру тематических направлений; оказание методической и публикационной поддержки молодым исследователям (студентам, магистрантам, аспирантам).

Задачи электронного издания:

Освещение актуальных исследований в области экономической теории, отраслевой и региональной экономики, вопросов финансово-кредитной и денежно-кредитной политики. Анализ проблем инновационного развития, предпринимательства, экономической безопасности и теневой экономики. Рассмотрение социально-психологических аспектов и практики управления, включая развитие мирового и национального хозяйства. Публикация материалов по экономико-математическому моделированию, системному анализу, цифровым и информационным технологиям, а также междисциплинарным направлениям (экономическая психология, экономика и право, история экономики).

Тематические направления:

вопросы экономической теории, региональная и отраслевая экономика, экономика и политика, инновационная экономика, малый бизнес и предпринимательство, теневая экономика и экономическая безопасность, финансы, налоги, страхование, финансовая, налоговая и денежно-кредитная политика, социально-психологические аспекты управления, проблемы теории и практики управления, развитие мирового и национального хозяйства, проблемы мировой экономики и международных экономических исследований, экономико-математическое моделирование, системный анализ, экономическая психология, информационные технологии в экономике и управлении, экономика и право, история экономики, цифровая экономика.

СОДЕРЖАНИЕ

Аюшеев А. В. Экономика замкнутого цикла как ответ тарифным войнам и санкциям	5
Бадарева Ю. И., Дугаржапова М. А. Основные проблемы и риски импортозамещения информационных технологий	9
Барлуков Р. А. Адаптационный параметр цифрового мультипликатора: учет институционального сопротивления при прогнозировании регионального экономического роста	13
Башинова Ю. Р., Башинов И. Л. Влияние маркетплейсов на развитие малого и среднего бизнеса в России: анализ данных 2022–2025 гг.	16
Будажанов Т. Б. Оценка экономической эффективности внедрения промышленного интернета вещей в отраслях экономики на примере Республики Бурятия	22
Бухаев Д. В. Проблемы и перспективы развития кредитования физических лиц (на материалах ООО «Автокредит»)	29
Бычковская Е. Я., Грошев Р. В. Синтез технологического и кадрового потенциала: комплексный подход к диагностике цифровой зрелости региона в контексте трансформации структуры занятости (на примере Республики Бурятия)	32
Вампилова А. Д. Бюджетная система в годы Великой Отечественной войны	36
Грошев Р. В., Барлуков А. М. Статистическая оценка цифровой зрелости Республики Бурятия и обоснование приоритетов её развития	41
Дашиева А. Б. Развитие методик оценки экономической эффективности цифровых платформ на основе современной экономической теории	45
Занева А. Ж. Цифровой рубль в налоговом законодательстве РФ	51
Колесникова А. Н., Брыкова С. С. Современное состояние развития института самозанятости в Республике Бурятия	56
Колмакова Д. Д. Стратегическое управление развитием сельских территорий в контексте миграционного оттока населения	62

Лизунков В. Г., Карпов Н. С. Методы и модели взаимодействия личности, бизнеса и власти в контексте управления процессами их развития	69
Монгуш О. Н., Дагба Д. С., Карьянова А. И. Особенности развития мотивации и стимулирования труда государственных и муниципальных служащих в Республике Тыва	75
Монгуш О. Н., Ондар Ч. Ч. Совершенствование приоритетных направлений управления качеством жизни населения на уровне региона Республики Тыва	81
Пискунова Д. В. Платформенная экономика как новая форма эксплуатации наемного труда: марксистский анализ	86
Соктоев Р. Б., Барлуков А. М. Институциональные проблемы малого бизнеса на цифровых платформах	90

ЭКОНОМИКА ЗАМКНУТОГО ЦИКЛА КАК ОТВЕТ ТАРИФНЫМ ВОЙНАМ И САНКЦИЯМ

© Аюшеев Алексей Владимирович

обучающийся,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

ausheevalesha2006@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу потенциала экономики замкнутого цикла (циркулярной экономики) как адаптационной стратегии России в условиях санкционного давления и тарифных войн 2025–2026 гг. На основе эмпирических данных о состоянии металлургической отрасли (падение потребления лома Северсталью в 19 раз), рынка пластиков (потенциал импортозамещения 95% импорта) и механизмов экспортного регулирования (рост квоты на вывоз лома до 2,2 млн тонн) выявляются ключевые противоречия циркулярной трансформации в ресурсной экономике. Обосновывается тезис: циркулярная экономика может быть эффективным ответом на внешние ограничения только при дифференцированном подходе к отраслям и создании экономических, а не административных стимулов для переработчиков.

Ключевые слова: циркулярная экономика, санкции, импортозамещение, переработка отходов, металлургический лом, вторичные ресурсы, тарифные войны, экономическая безопасность, ресурсная экономика, технологический суверенитет.

CIRCULAR ECONOMY AS A RESPONSE TO TARIFF WARS AND SANCTIONS

Alexey V. Ayusheev

Student

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

ausheevalesha2006@gmail.com

Abstract. The article analyzes the potential of the circular economy as an adaptation strategy for Russia under the sanctions pressure and tariff wars of 2025–2026. Based on empirical data on the state of the metallurgical industry (a 19-fold drop in scrap consumption by Severstal), the plastics market (95% import substitution potential), and export regulation mechanisms (an increase in the scrap export quota to 2.2 million tons), the key contradictions of circular transformation in a resource-based economy are identified. The article substantiates the thesis that the circular economy can be an effective response to external restrictions only with a differentiated approach to industries and the creation of economic rather than administrative incentives for recyclers.

Keywords: circular economy, sanctions, import substitution, waste recycling, ferrous scrap, secondary resources, tariff wars, economic security, resource-based economy, technological sovereignty.

Формирование экономики замкнутого цикла (ЭЗЦ) в России происходит в уникальных условиях, отличающих ее от европейских аналогов. Если в странах Европейского Союза драйвером циркулярной трансформации выступают экологические и климатические цели, то российская повестка формируется под влиянием внешних шоков. Санкционное давление, огра-

ничество доступа к западным технологиям и финансовым рынкам, а также ответные тарифные меры (включая квоты на экспорт лома и запрет на вывоз ряда категорий вторсырья) создали принципиально новый контекст [1; 3]. В этих условиях способность извлекать ценные ресурсы из отходов приобретает не только экологическое, но и стратегическое значение.

Цель статьи — определить потенциал экономики замкнутого цикла как адаптационной стратегии России в условиях санкций и тарифных войн, а также выявить ключевые противоречия, ограничивающие ее эффективность.

Гипотеза исследования заключается в том, что ЭЗЦ может стать эффективным ответом на внешние ограничения, но только при условии совершенствования институциональной среды и создания адекватных экономических стимулов для переработчиков.

Методологической основой работы выступают институциональный подход (анализ формальных правил взаимодействия государства и бизнеса в сфере обращения с отходами). Эмпирическую базу составляют данные Российского экологического оператора, Минпромторга РФ, а также результаты научных исследований, опубликованные в 2020–2025 гг.

Ключевая проблема, ограничивающая развитие циркулярной экономики в России, связана со структурой ресурсной модели. Как показывают данные по черной металлургии, использование первичного сырья (железной руды, горячебрикетированного железа) часто оказывается экономически выгоднее переработки лома. Крупнейшие российские металлургические комбинаты, включая ПАО «Северсталь» и ПАО «ММК», существенно сократили закупку металлолома, переходя на технологии выплавки стали из жидкого чугуна, которые не требуют электроэнергии и оказываются дешевле электрометаллургического передела. Это явление получило в экспертной литературе название «структурный сдвиг» [7].

Диаметрально противоположная ситуация складывается на рынке вторичных полимеров. По данным исследователей Финансового университета и РЭУ им. Г.В. Плеханова, значительные объемы пластиковых отходов не используются из-за недостаточного развития инфраструктуры переработки [2; 6]. Экономическая модель показывает, что переход к переработке значительной доли импортируемого пластика может создать серьезный потенциал для импортозамещения, принести дополнительные доходы и рабочие места [2].

Перспективным направлением является формирование циркулярной экономики в отдельных отраслях и регионах. Как показывают Гайдук В.И. и Линченко В.В. на примере АПК Краснодарского края, внедрение циркулярных моделей позволяет уменьшить затраты на ресурсы и повысить эффективность производства [2, с. 5]. По экспертным оценкам, только производство тепловой энергии из отходов производства зерна в Краснодарском крае способно обеспечить около 60% энергопотребности в жилом секторе региона [2, с. 6].

Однако, как отмечает Букринская Э.М., реформа в сфере обращения с отходами в России сталкивается с серьезными институциональными проблемами: в ряде регионов не приступили к работе региональные операторы, наблюдается дефицит мест для захоронения ТКО, а в существующем виде реформа не служит развитию отрасли переработки отходов [3, с. 208–209].

Бахова Ю.А. обращает внимание на важность экологической добросовестности производителей как фактора потребительского спроса. Согласно исследованиям, 73% покупателей требуют экологической ответственности от бизнеса, а 37% россиян с высокой вероятностью выберут товары «ответственных производителей» при сопоставимой стоимости [5, с. 35]. Это создает дополнительные рыночные стимулы для перехода к циркулярным моделям производства.

Ключевым «узким горлом» выступает зависимость от импортного оборудования для переработки отходов. По данным инвентаризации Российского экологического оператора, доля отечественных оптических сепараторов незначительна, а баллистических сепараторов — еще ниже [7]. Остальное оборудование импортируется, и санкционные ограничения затрудняют его поставку и обслуживание.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, циркулярная экономика в России не может рассматриваться как единая универсальная стратегия. В отраслях, где первичное сырье дешевле вторичного (металлургия), санкции и экспортные ограничения не создают стимулов для замыкания циклов. Напротив, они ведут к разрушению инфраструктуры сбора и переработки [7].

Во-вторых, успешные примеры импортозамещения через переработку (пластики, вторичные полимеры) сталкиваются с технологическими ограничениями — зависимостью от импортного оборудования. Пока доля российских оптических и баллистических сепараторов не превышает 8-11%, говорить о технологическом суверенитете в сфере переработки преждевременно.

В-третьих, ключевым фактором, определяющим эффективность циркулярной стратегии, выступает совершенствование механизма расширенной ответственности производителя. Как подчеркивают исследователи, необходима корректировка системы РОП в сторону увеличения нормативов утилизации (вплоть до 100%) и усиления контроля за их соблюдением [4, с. 62].

Перспективы дальнейших исследований связаны с количественной оценкой вклада циркулярных стратегий в снижение импортной зависимости по отдельным категориям сырья, а также с анализом эффективности реформированной системы РОП, изменения в которую вносятся в 2024-2025 гг. [4; 7].

Литература

1. Иванов А.В., Балановский М.В., Кондратенко С.В. Организационно-экономические и правовые проблемы эффективного внедрения механизма расширенной ответственности производителя в сфере обращения с отходами // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1. С. 102–110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-ekonomicheskie-i-pravovye-problemy-effektivnogo-vnedreniya-mehanizma-rasshirennoy-otvetstvennosti-proizvoditelya-v> (дата обращения: 06.05.2026)
2. Гайдук В.И., Линченко В.В. Циклическая экономика в АПК региона // Московский экономический журнал. 2025. № 4. С. 1–12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsiklicheskaya-ekonomika-v-apk-regiona> (дата обращения: 06.05.2026)
3. Букринская Э.М. Применение логистического подхода к организации расширенной ответственности производителя // Логистика и управление цепями поставок. 2020. № 2. С. 206-212. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-logisticheskogo-podhoda-k-organizatsii-rasshirennoy-otvetstvennosti-proizvoditelya> (дата обращения: 06.05.2026)
4. Долгушин А.Б., Цуканов А.А. Анализ практики установления нормативов утилизации в системе расширенной ответственности производителя Российской Федерации в 2015-2020 годы // Экономика устойчивого развития. 2020. № 4. С. 58-63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-praktiki-ustanovleniya-normativov-utilizatsii-v-sisteme-rasshirennoy-otvetstvennosti-proizvoditelya-rossiyskoy-federatsii-v> (дата обращения: 06.05.2026)
5. Бахова Ю.А. Соблюдение экологического законодательства производителями товаров и самостоятельная утилизация отходов: влияние на потребительский спрос // Правоведение. 2020. № 2. С. 34–41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soblyudenie-ekologicheskogo-zakonodatelstvaproizvoditelyami-tovarov-i-samostoyatel'naya-utilizatsiya-otvodov-vliyanie-na> (дата обращения: 06.05.2026)

6. Авдони́на А. М. Новые вызовы информационной эры: обращение с отходами электронного и электрического оборудования в РФ // Экономическое развитие России. 2023. № 5. С. 45–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-vyzovy-informatsionnoy-ery-obraschenie-s-otho-dami-elektronnogo-i-elektricheskogo-oborudovaniya-v-rf> (дата обращения: 06.05.2026)

7. Металлолом: коллапс отрасли или структурная перезагрузка? / Морские вести России. 2026. URL: <https://morvesti.ru/themes/1694/119865/> (дата обращения: 06.05.2026)

Статья поступила в редакцию 15.05.2026; одобрена после рецензирования 18.05.2026; принята к публикации 25.05.2026.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

© Бадареева Юмжана Игоревна

обучающийся,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

ybadareeva@yandex.ru

© Дугаржапова Марина Абрамовна

кандидат экономических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

uma79@mail.ru

Аннотация. Научная статья посвящена актуальной проблеме импортозамещения информационных технологий в России, о которой начали говорить более 10 лет тому назад. С уходом зарубежных вендоров с российского рынка в 2022 году решение данной проблемы стало одной из стратегических целей государственной политики для обеспечения и технологической безопасности экономики и общества страны. На сегодняшний день государством проведена большая работа по запуску перехода на отечественные информационные технологии: разработаны нормативно-правовые акты, регулирующие импортозамещение; осуществляется финансовая поддержка ИТ-проектов на грантовой основе, предоставляются налоговые льготы для ИТ-компаний, создается необходимая инфраструктура. Но несмотря на положительные сдвиги в области импортозамещения информационных технологий, все еще остаются актуальными ряд проблем, сдерживающих рост и внедрение отечественных ИТ-разработок. Данная статья посвящена обзору этих проблем и ключевых рисков.

Ключевые слова: импортозамещение, импорт, экономическая стратегия, информационные технологии, технологическая безопасность, государственное регулирование, финансовые меры поддержки, уход зарубежных вендоров, риски внедрения.

MAIN PROBLEMS AND RISKS OF IMPORT SUBSTITUTION OF INFORMATION TECHNOLOGIES

Yumzhana I. Badareeva

Student

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

ybadareeva@yandex.ru

Marina A. Dugarzhapova

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

uma79@mail.ru

Abstract. The scientific article is devoted to the urgent problem of import substitution of information technologies in Russia, which began to be discussed more than 10 years ago. With the withdrawal of foreign vendors from the Russian market in 2022, solving this problem has become one of the strategic goals of government policy to ensure the technological security of the country's economy and society. To date, the government has done a lot of work to launch the transition to domestic information technologies: regulatory legal acts governing import substitution have been developed, financial support for IT projects is provided on a grant basis, tax incentives are provided for IT companies. However, despite positive progress in import substitution of information technology, a number of challenges remain that hinder the growth and adoption of domestic IT developments. This article provides an overview of these challenges and key risks.

Keywords: import substitution, import, economic strategy, information technologies, technological security, state regulation, financial support measures, exit of foreign vendors, implementation risks.

Введение

Современный этап развития цифровой экономики характеризуется высокой зависимостью организаций от информационных технологий. Информационные системы стали неотъемлемой частью управления бизнес-процессами, обеспечения устойчивости организаций от информационных технологий. Вопрос о необходимости импортозамещения стал особенно актуальным во многом по причине применения в отношении России экономических санкций в 2014 г., последующего снижения цен на сырьевые ресурсы, резкого падения курса российского рубля по отношению к мировым валютам, блокирования доступа к кредитам на международных финансовых рынках и прекращения трансфера технологий. Это поставило экономику России в ситуацию, когда со всей очевидностью встал вопрос о необходимости мобилизации имеющихся внутренних возможностей поддержки экономики и предотвращения ее коллапса [1].

Переход на отечественные программные аппаратные решения рассматривается как одно из ключевых направлений обеспечения цифровой независимости государства и устойчивого функционирования организаций. Вместе с тем импортозамещение представляет собой не только технологическую, но и сложную экономическую и организационную задачу. Замена зарубежных ИТ-решений затрагивает существенную цифровую инфраструктуру, бизнес-процессы, кадровую систему, механизмы управления и финансовые модели организаций.

Целью данной статьи является выявление потенциальных рисков импортозамещения информационных технологий и факторов, влияющих на эффективность перехода.

1. Общая характеристика рисков импортозамещения ИТ

Под импортозамещением следует понимать стратегию государства, направленную на замещение импортных товаров, услуг и технологий, продукцией отечественного производства. Целью импортозамещения является снижение зависимости от зарубежных поставок, развитие и защита отечественного производства на всех его стадиях: от поставок сырья, материалов и комплектующих изделий до выхода готовой продукции. Т.е. процесс импортозамещения — это не просто замена товаров иностранного производства на отечественное, это комплекс мероприятий, направленный на развитие внутреннего рынка производства в целях повышения экономической безопасности государства.

Процесс импортозамещения информационных технологий сопровождается значительным количеством рисков, обусловленных технологическими, экономическими, организационными и институциональными факторами. В отличие от классической замены отдельных элементов инфраструктуры, переход на отечественные решения затрагивают всю систему функционирования организации, включая бизнес-процессы, архитектуру ИТ-систем, кадровую структуру, финансовую модель и механизмы стратегического управления [2].

Особенность импортозамещения в IT-отрасли заключается в том, что организация сталкивается не только с необходимостью выбора нового программного обеспечения или оборудования, но и с потребностью адаптировать под новые решения уже существующую цифровую экосистему. Особенно это актуально для крупных компаний и государственных структур, где IT-инфраструктура формировалась на протяжении многих лет и включает большое количество взаимосвязанных компонентов.

Одной из ключевых проблем является сложность подбора адекватных аналогов существующих решений. Российский рынок IT-продуктов, несмотря на активное развитие, не всегда способен предложить решения, полностью сопоставимые по функциональности, производительности, масштабируемости и т.д. Это формирует риски несоответствия новых систем требованиям бизнеса, а также повышает вероятность необходимости компромиссов между стоимостью, безопасностью и эффективностью.

В этих условиях переход на отечественные технологии требует предварительного анализа: текущих бизнес-процессов, функций используемых систем, критичности отдельных IT-инструментов, уровня интеграции решений; потенциальных рисков внедрения, затрат на переход на отечественные решения, кадровых возможностей организации.

Только при сопоставлении ожидаемых выгод и возможных потерь может быть принято экономически обоснованное решение о внедрении. Следовательно, импортозамещение должно рассматриваться не как одномоментная замена технологий, а как комплексный инвестиционный проект, требующий стратегического планирования, оценки рисков и поэтапной реализации.

2. Технологические риски импортозамещения

Одним из наиболее значимых направлений анализа являются технологические риски, которые возникают в процессе перехода организаций на отечественные программные и аппаратные решения. На практике внедрение новых систем нередко сопровождается снижением производительности IT-инфраструктуры. Это связано с тем, что заявленные характеристики программного обеспечения зачастую формируются на основе тестовых сценариев и не всегда отражают реальные условия эксплуатации. Фактическая эффективность работы системы зависит от архитектуры организации, объема обрабатываемых данных, специфики бизнес-процессов и уровня интеграции с другими цифровыми сервисами.

Снижение производительности оказывает прямое влияние на экономические показатели деятельности компании. Увеличивается время выполнения операций, возрастает нагрузка на персонал, а также формируются дополнительные операционные издержки. Особенно критично это для организаций с высокой степенью автоматизации процессов, где даже незначительные задержки могут приводить к существенным финансовым потерям.

3. Информационные и кадровые ограничения

Особенно остро проявляется проблема дефицита квалифицированных специалистов. Переход на новые технологические платформы требует наличия сотрудников, обладающих практическими навыками работы с российскими решениями, однако рынок труда пока не способен полностью удовлетворить данный спрос. В результате организации сталкиваются с ростом заработных плат IT-специалистов, увеличением стоимости проектов и зависимостью от ограниченного круга подрядчиков.

Формирование внутренней экспертизы требует значительных временных и финансовых ресурсов. В большинстве случаев организациям приходится инвестировать в обучение персонала, создание внутренних центров компетенций и адаптацию кадровой политики под новые требования цифровой среды.

4. Практические подходы к минимизации рисков импортозамещения

Для уменьшения возможных рисков, которые возникают в процессе импортозамещения, организациям необходимо выстроить последовательную систему управления перехода на отечественные ИТ-решения. Результаты зависят не только от выбора программных продуктов, но и от степени подготовки инфраструктуры, сотрудников и внутренних бизнес-процессов организации.

Детальный анализ действующей ИТ-среды имеет большое значение. До внедрения новых решений нужно определить, какие системы используются в организации, какие процессы зависят от стабильной работы, а также насколько существующая инфраструктура совместима с отечественным программным обеспечением.

Также компаниям стоит организовать обучение и консультационную/техническую поддержку для сотрудников, т.к. использование нового ПО может вызывать трудности у сотрудников. Большую роль играет формирование внутренней базы знаний и участие ИТ-специалистов в адаптации пользователей, что может способствовать снижению кадровых рисков и ускоряет освоение новых решений.

В ряде случаев организации отказываются от полного импортозамещения, оставляя часть иностранного программного обеспечения, в целях обеспечения работоспособности систем, имеющих критическое значение для работы организации. Такой метод позволяет избежать резкого снижения эффективности работы компании и обеспечивает более стабильный переход к новой технологической инфраструктуре.

Заключение

Импортозамещение в сфере информационных технологий — важная задача для развития цифровой экономики, но на практике её реализация сопряжена с серьёзными технологическими, финансовыми, организационными и кадровыми рисками. Как показывает анализ, главная сложность заключается не столько в замене программных продуктов, сколько в необходимости перенастраивать под них всю цифровую инфраструктуру организации.

Насколько успешным окажется импортозамещение, во многом зависит от качества планирования, подготовки сотрудников, зрелости отечественных решений и от того, насколько грамотно организация умеет управлять возникающими рисками. Самый надёжный подход — внедрять новые системы поэтапно, начиная с аудита, затем проводя пилотное тестирование и только потом комплексно оценивая экономическую эффективность.

Иными словами, добиться успеха при импортозамещении можно лишь тогда, когда сочетаются три условия: технологическая готовность, продуманное стратегическое управление и системная поддержка тех организационных изменений, которые неизбежно сопровождают этот процесс.

Литература

1. Соловьев А. И. Импортозамещение в России: проблемы и пути решения // Экономика. Налого. Право. 2016. № 4. С. 84–91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/importozameschenie-v-rossii-problemy-i-puti-resheniya> (дата обращения: 25.05.2026).
2. Багратуни К. Ю. Импортозамещение и его место в современной экономической политике России // Инновации и инвестиции. 2023. № 10. С. 576–579. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/importozameschenie-i-ego-mesto-v-sovremennoy-ekonomicheskoy-politike-rossii>

Статья поступила в редакцию 04.06.2026; одобрена после рецензирования 06.06.2026; принята к публикации 11.06.2026.

АДАПТАЦИОННЫЙ ПАРАМЕТР ЦИФРОВОГО МУЛЬТИПЛИКАТОРА: УЧЕТ ИНСТИТУЦИОННОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ ПРИ ПРОГНОЗИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

© Барлуков Роман Александрович

обучающийся,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, Улан-Удэ

barlukovroman@mail.ru

Аннотация. В статье развивается ранее предложенная линейная модель прогнозирования экономического эффекта цифровой трансформации региональной экономики. Основное внимание уделено методологическому ограничению исходной спецификации, которая не учитывает институциональные барьеры и временные лаги адаптации хозяйствующих субъектов. Для устранения данного недостатка вводится корректирующий параметр институционального сопротивления, модифицирующий базовый цифровой мультипликатор. Разработанная нелинейная спецификация позволяет количественно оценивать эффект инфраструктурного насыщения и фиксировать критические уровни цифровой зрелости, при которых отдача от инвестиций переходит в фазу устойчивого ускорения. Результаты формируют аналитическую основу для дифференцированного планирования бюджетных расходов и оптимизации стратегий цифровой трансформации территорий.

Ключевые слова: цифровая экономика; региональный мультипликатор; институциональная адаптация; цифровая зрелость; нелинейное моделирование; региональное развитие; экономическое прогнозирование; инфраструктурные инвестиции.

ADAPTATION PARAMETER OF THE DIGITAL MULTIPLIER: ACCOUNTING FOR INSTITUTIONAL RESISTANCE IN FORECASTING REGIONAL ECONOMIC GROWTH

Roman A. Barlukov

Student,

Dorzhii Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

barlukovroman@mail.ru

Abstract. The article develops the previously proposed linear model for forecasting the economic impact of digital transformation in regional economies. Particular attention is devoted to the methodological limitation of the initial specification, which ignores institutional barriers and adaptation lags among economic agents. To overcome this shortcoming, a corrective institutional resistance parameter is introduced to modify the baseline digital multiplier. The developed non-linear specification enables quantitative assessment of infrastructure saturation effects and identifies critical digital maturity thresholds where investment returns shift into a sustainable acceleration phase. The research findings provide an analytical foundation for differentiated budget planning and optimization of regional digital transformation strategies.

Keywords: digital economy; regional multiplier; institutional adaptation; digital maturity; non-linear modeling; regional development; economic forecasting; infrastructure investments.

В предыдущем исследовании [1] нами была обоснована линейная зависимость между индексом региональной цифровой зрелости и динамикой валового регионального продукта. Данная спецификация сохраняет аналитическую ценность на этапах стабильного технологического развития, однако, как показало исследование [2], утрачивает прогнозную точность в условиях активной цифровой перестройки территорий. Практика реализации инфраструктурных проектов показывает, что прямая пропорциональность нарушается в первые годы внедрения решений. Возникает эффект институциональной инерции, при котором дополнительные капиталовложения в цифровую среду не генерируют ожидаемого прироста производительности до достижения критического уровня адаптационных возможностей региона [3].

Для устранения указанного методологического ограничения вводится корректирующий коэффициент институционального сопротивления, интегрируемый в базовую модель прогнозирования. Обновленная спецификация принимает следующий вид:

$$ВРП_t = ВРП_{t-1} \cdot \left[1 + \alpha \cdot \frac{ИРЦЗ_t}{1 + \gamma \cdot (1 - ИРЦЗ_t)} \right],$$

где

α — базовый коэффициент влияния цифровизации на экономический рост, определенный в первоначальной версии модели;

γ — параметр институционального сопротивления, отражающий скорость адаптации бизнеса, государственного управления и населения к новым технологическим условиям;

$ИРЦЗ_t$ — индекс региональной цифровой зрелости в текущем периоде.

Количественная оценка параметра γ осуществляется через индекс цифровой компетентности населения и долю предприятий, интегрированных в платформенные экосистемы:

$$\gamma = \frac{1}{\delta_1 \cdot L_{pop} + \delta_2 \cdot L_{biz}}, \text{ где}$$

L_{pop} — индекс цифровой грамотности населения (субпоказатель блока «Население» в структуре ИРЦЗ);

L_{biz} — доля субъектов малого и среднего предпринимательства, использующих облачные сервисы и электронные каналы сбыта (показатель уровня цифровой интеграции бизнеса);

δ_1, δ_2 — весовые коэффициенты, определяемые экспертным методом для конкретного субъекта федерации.

Представленная формула сохраняет расчетную прозрачность, но принципиально расширяет аналитические возможности исходного подхода. При низких значениях индекса цифровой зрелости знаменатель дробной части увеличивается, что автоматически снижает мультипликативный эффект, отражая реальные ограничения восприятия цифровой инфраструктуры хозяйствующими субъектами. По мере роста цифровой зрелости параметр $(1 - ИРЦЗ_t)$ стремится к нулю, корректирующий множитель приближается к единице, и модель переходит в режим линейного ускорения, полностью раскрывая потенциал цифрового экономического мультипликатора, описанного в работе.

Литература

1. Барлуков Р. А. Цифровая инфраструктура регионов и эффекты экономического мультипликатора: модель оценки цифровой зрелости // Известия Института экономических исследований. 2026. № 1. С. 4-7
2. Барлуков Р. А. Развитие цифровой инфраструктуры регионов как фактор устойчивого экономического роста (на примере Республики Бурятия) // Известия Института экономических исследований. 2025. № 4. С. 24-31
3. Мау В. А. Современная российская экономика: вызовы и тенденции цифровизации. Москва : Наука, 2021. 302 с.

Статья поступила в редакцию 03.06.2026; одобрена после рецензирования 05.06.2026; принята к публикации 11.06.2026.

ВЛИЯНИЕ МАРКЕТПЛЕЙСОВ НА РАЗВИТИЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В РОССИИ: АНАЛИЗ ДАННЫХ 2022–2025 гг.

© **Башинова Юмжана Раднаевна**

обучающийся,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

rampilovay@bk.ru

© **Башинов Игнат Леонидович**

обучающийся,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

www.viktorzzz@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние цифровых торговых платформ (Wildberries, Ozon, Яндекс.Маркет) на сектор малого и среднего предпринимательства в России. На основе открытых данных за 2022–2025 гг. показана прямая связь между ростом числа продавцов на маркетплейсах и увеличением оборота МСП. Выявлены ключевые преимущества (выход на широкий рынок, снижение порога входа) и риски (рост комиссий, высокая ротация продавцов, платформенная зависимость). Делается вывод о необходимости диверсификации каналов сбыта для устойчивого развития малого бизнеса.

Ключевые слова: маркетплейсы, малый и средний бизнес, продавцы, электронная торговля, платформенная экономика, комиссии, самозанятые.

THE IMPACT OF MARKETPLACES ON THE DEVELOPMENT OF SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES IN RUSSIA: DATA ANALYSIS 2022–2025

Yumzhana R. Bashinova

Student

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

rampilovay@bk.ru

Ignat L. Bashinov

Student

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

www.viktorzzz@mail.ru

Abstract. The article examines the impact of digital trading platforms (Wildberries, Ozon, Yandex.Market) on the small and medium-sized enterprise (SME) sector in Russia. Based on open data for the period 2022–2025, a direct relationship is shown between the growth in the number of sellers on marketplaces and the increase in SME turnover. The key advantages (access to a wide market, lower entry barriers) and risks (rising commissions, high seller turnover, platform dependence) are identified. The

conclusion is drawn about the necessity of diversifying sales channels for the sustainable development of small businesses.

Keywords: marketplaces, small and medium-sized business, sellers, e-commerce, platform economy, commissions, self-employed.

Введение

За последние пять лет российский рынок электронной коммерции пережил настоящий бум. Если в 2019 году доля онлайн-продаж в розничной торговле составляла около 6%, то к концу 2024 года она превысила 15%. Главными драйверами этого роста стали маркетплейсы — Wildberries, Ozon и Яндекс.Маркет, которые суммарно контролируют более 80% рынка [1].

Параллельно с ростом платформ росло и число предпринимателей, торгующих через них. По разным оценкам, к началу 2025 года на трех ведущих маркетплейсах зарегистрировано более 1,3 млн активных продавцов, абсолютное большинство которых — это субъекты малого и среднего предпринимательства (ИП, микропредприятия, самозанятые) [6, с.12].

Однако вокруг темы «маркетплейсы и Малых и Средних Предприятий (МСП)» идут споры. Одни эксперты и представители платформ говорят, что маркетплейсы — это главный социальный лифт для малого бизнеса, позволяющий производителю из небольшого города продавать товары по всей стране. Другие указывают на растущие комиссии, жесткие правила и высокую зависимость продавцов от платформ. Как отмечается в исследованиях, платформы создают для МСП принципиально новые возможности, но одновременно формируют и новые уязвимости [4, с. 53].

Цель этой статьи — на основе открытых данных и аналитических отчетов разобраться, чего больше в этой истории: плюсов или минусов, и какие выводы из этого могут сделать предприниматели и государство.

Как менялось число продавцов на маркетплейсах

Первое, что бросается в глаза при анализе открытых источников — взрывной рост количества продавцов на платформах. Если в конце 2021 года совокупное число активных продавцов на Wildberries и Ozon оценивалось примерно в 300–350 тысяч, то за три года эта цифра выросла почти в четыре раза.

Точные цифры платформы не раскрывают, но на основе отчетов Data Insight, пресс-релизов маркетплейсов и данных АКИТ можно составить примерную картину (табл. 1).

Таблица 1

Рост числа активных продавцов на ведущих маркетплейсах, тыс. ед.

Платформа	Конец 2022 г.	Конец 2023 г.	Конец 2024 г.	1 кв. 2025 г. (Оценка)
Wildberries	400	550	700	740
OZON	120	250	450	520
Яндекс.Маркет	25	50	80	90
Всего	545	850	1230	1350

Источник: составлено автором на основе данных Data Insight, пресс-релизов Ozon, публикаций РБК и Коммерсантъ.

Как видно из таблицы, самый впечатляющий рост показал Ozon — число продавцов на этой платформе за два с небольшим года выросло более чем в четыре раза. Это объясняется агрессивной стратегией компании по привлечению продавцов: упрощенная регистрация, низкий порог входа для самозанятых, развитие логистической инфраструктуры в регионах [2, с. 1730].

Wildberries, будучи уже зрелой платформой с огромной базой, рос медленнее в относительных цифрах, но в абсолютных значениях прибавил 340 тысяч селлеров — это почти столько же, сколько весь Ozon на старте периода.

Яндекс.Маркет, занимающий третье место, также показал кратный рост, но с гораздо более низкой базы.

Рост числа продавцов — это хорошо, но важнее понять, растут ли их доходы. И здесь данные тоже обнадеживают: совокупный оборот МСП на платформах растет даже быстрее, чем количество самих продавцов. (Табл.2)

Таблица 2

Совокупный оборот МСП-селлеров на ведущих маркетплейсах

Показатель	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Совокупный оборот селлеров, трлн руб.	2,8	4,5	6,7
Доля МСП в обороте платформ, %	62	65	68

Источник: расчеты автора на основе данных АКИТ и Data Insight.

Мы видим устойчивый рост: за два года оборот МСП-селлеров вырос в 2,4 раза — с 2,8 до 6,7 трлн рублей. Это очень серьезные деньги. Для сравнения: весь федеральный бюджет на поддержку малого бизнеса (нацпроект «Малое и среднее предпринимательство») составляет около 60–80 млрд рублей в год, то есть примерно в сто раз меньше, чем оборот, который МСП получают через платформы.

Доля МСП в общем обороте платформ также понемногу растет — с 62% до 68%. Это говорит о том, что малый бизнес не вытесняется крупными брендами, а наоборот — укрепляет свои позиции [5, с. 42].

Если сопоставить данные таблиц 1 и 2, можно заметить простую закономерность: рост числа селлеров на 1 тысячу человек сопровождается приростом квартального оборота примерно на 1,2–1,4 млрд рублей. Это не строгая математическая модель, а эмпирическое наблюдение, но оно хорошо иллюстрирует общий тренд: платформы действительно конвертируют приток предпринимателей в рост их совокупной выручки.

Плюсы: почему малый бизнес идет на маркетплейсы

Попробуем разобраться, какие именно преимущества получает предприниматель, начиная торговлю через маркетплейс.

Первый и главный плюс — доступ к огромной аудитории. У Wildberries и Ozon — десятки миллионов активных покупателей по всей стране. Предприниматель из условного Иванова, производящий домашний текстиль, через платформу может продавать его от Калининграда до Владивостока. Создать такой же охват через собственный интернет-магазин — это миллионные вложения в рекламу и годы работы [5, с. 44].

Второй плюс — готовая логистика. Платформы берут на себя хранение товара, упаковку, доставку до покупателя и обработку возвратов. Предпринимателю нужно только произвести товар и отгрузить его на склад маркетплейса. Это особенно важно для микро-бизнеса, у которого нет ресурсов содержать свой склад и штат логистов [4, с. 56].

Третий плюс — низкий порог входа. Чтобы начать продавать на Ozon или Wildberries, достаточно зарегистрироваться как самозанятый или ИП, загрузить карточки товаров — и можно торговать. Не нужно арендовать помещение под магазин, нанимать продавцов, печатать ценники. Стартовые затраты — по сути, только закупка первой партии товара и затраты на упаковку.

Четвертый плюс — встроенные инструменты продвижения. Платформы имеют внутренние рекламные механизмы, которые позволяют новому продавцу получить первые заказы без глубоких знаний интернет-маркетинга [2, с. 1735].

Благодаря этим факторам миллионы людей, которые раньше торговали на рынках или через соцсети, получили легальный, удобный и масштабируемый канал сбыта. С точки зрения государства, это тоже плюс: торговля через платформы практически полностью «белая», все доходы фиксируются, с них платятся налоги.

Минусы: Однако, как это обычно бывает, у медали есть и обратная сторона. Исследования последних лет выделяют несколько серьезных проблем, с которыми сталкиваются МСП на платформах [3, с. 210].

Рост комиссий. Комиссия маркетплейса — это плата за доступ к аудитории, логистику и прочие услуги. Еще несколько лет назад комиссии Wildberries и Ozon составляли в среднем 10–15% от стоимости товара. Сегодня эффективная ставка с учетом всех дополнительных сборов (логистика, хранение, обработка возвратов, эквайринг) может достигать 25–35%, а в отдельных категориях — и 40%. Это сопоставимо с торговой наценкой розничного магазина, но магазин при этом не требует от производителя самому нести затраты на производство и закупку [7].

Принудительные скидки. Одна из главных болевых точек селлеров — участие в акциях платформ. Маркетплейсы регулярно устраивают распродажи («11.11», «Черная пятница» и другие), и участие в них для продавца часто фактически принудительное: если не дать скидку, алгоритмы платформы понижают карточку товара в выдаче, и продажи падают. В результате селлер вынужден отдавать товар почти по себестоимости, а иногда и ниже [3, с. 218].

Платформенная зависимость. Это, возможно, самый серьезный стратегический риск. Продавец, работающий только через маркетплейс, не формирует собственную клиентскую базу. Он не знает своих покупателей, не имеет их контактов, не может делать повторные продажи напрямую. Вся аудитория принадлежит платформе. Если платформа меняет правила (повышает комиссию, блокирует карточки, вводит новые штрафы) — у предпринимателя практически нет рычагов влияния. Он либо соглашается, либо уходит. А уйти некуда, потому что свои каналы продаж не построены [3, с. 220].

Высокая ротация. По оценкам Data Insight [6], примерно 40–45% новых селлеров прекращают активную деятельность на платформе в течение первого года. Причины разные: кто-то не справляется с конкуренцией, кто-то не может выйти на окупаемость из-за высоких комиссий, кто-то сталкивается с блокировками или штрафами. Важно, что платформам эта ротация, по большому счету, выгодна — на место ушедших всегда приходят новые [6, с. 45].

Показатели, отражающие риски для МСП на платформах

Показатель	2022 г.	2024 г.	Тренд
Средняя эффективная комиссия, % от цены товара	18-22	24-30	Растет
Доля селлеров, ушедших с платформы в первый год, %	35	42	Растет
Средний чек МСП-селлера, руб.	1850	1540	Падает

Источник: Data Insight, опросы селлеров (Tinkoff eCommerce, Селлер.Дзен).

Стоит ли выходить на маркетплейсы или нет? Однозначного ответа на этот вопрос нет, потому что слишком разные ситуации у разных предпринимателей. Попробуем провести разграничение.

Для кого платформа — однозначное благо:

- Для самозанятых и ремесленников, которые раньше продавали только на локальном рынке. Платформа дает им выход на страну без затрат на рекламу и логистику [4, с. 58].
- Для небольших производств, которые через платформу могут найти первых оптовых клиентов.
- Для предпринимателей, которые используют маркетплейс как один из нескольких каналов сбыта, а не единственный.

Для кого платформа — риск:

- Для тех, кто закладывает в бизнес-модель только работу через один маркетплейс и не развивает свои каналы [3, с. 222].
- Для продавцов низкомаржинальных товаров, где комиссия в 25–30% оставляет отрицательную прибыль.
- Для предпринимателей, которые не учитывают скрытые затраты: логистику возвратов, штрафы за ошибки в карточках, потери товара на складах.

Общий вывод такой: маркетплейс — это мощный, но небезопасный инструмент. Он дает быстрый старт и широкий охват, но не должен становиться единственным каналом продаж для устойчивого бизнеса. Оптимальная стратегия для МСП — использовать платформы как трамплин: выходить на них, набирать аудиторию, узнаваемость бренда, а параллельно строить собственный интернет-магазин, соцсети, выходить в офлайн-розницу.

Исходя из проведенного анализа, можно сформулировать несколько рекомендаций [2, с. 1740].

Для предпринимателей:

1. Считать экономику с учетом всех скрытых затрат платформы, а не только базовой комиссии.
2. С первого дня работы на платформе закладывать стратегию диверсификации: собирать контакты клиентов (где это возможно), вкладывать в узнаваемость своего бренда, а не только в карточку товара.
3. Рассматривать Яндекс.Маркет и нишевые площадки как альтернативу дуополии Wildberries и Ozon — это дает пространство для маневра.

Для государства:

1. Разработать стандарты раскрытия информации платформами: предприниматель должен четко понимать эффективную комиссию, а не только заявленную [7].
2. Стимулировать развитие омниканальных МСП — тех, кто использует и онлайн, и офлайн, и платформы, и свои каналы. Это снижает системные риски [5, с. 46].
3. Рассмотреть возможность регулирования практики принудительного участия в скидочных акциях, когда это ставит селлера на грань убыточности.

Заключение

Проведенный анализ показал, что за период 2022–2025 гг. российские маркетплейсы стали ключевым каналом сбыта для малого и среднего бизнеса. Количество активных селлеров выросло почти в 2,5 раза, совокупный оборот МСП на платформах превысил 6,7 трлн рублей в год. Связь между ростом числа продавцов и ростом их доходов прямая и очень сильная.

Однако за этими позитивными цифрами скрываются и серьезные проблемы: рост комиссий, высокая «смертность» новых селлеров, углубляющаяся зависимость предпринимателей от правил платформ. Маркетплейсы, давая быстрый вход на рынок, одновременно создают институциональную ловушку, выйти из которой без потерь удастся далеко не всем.

Ответ на вопрос «благо или зло» зависит от горизонта планирования. В краткосрочной перспективе платформа — безусловное благо, дающее доступ к рынку. В долгосрочной — она становится злом, если предприниматель не выстраивает параллельные каналы сбыта и не формирует собственный бренд.

Главный практический вывод: маркетплейс хорош как старт, но плох как финиш. Устойчивый малый бизнес — это бизнес, который использует платформу, а не принадлежит ей.

Литература

1. Ассоциация компаний интернет-торговли (АКИТ). Итоги рынка e-commerce в России за 2024 год. URL: <https://akit.ru/analytics/> (дата обращения: 17.05.2026).
2. Климанова Я.Д., Басаев З.В. Стратегии цифровой трансформации бизнес-моделей на российском рынке розничной торговли // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 1723–1742.
3. Орехова С.В., Мисюра А.В. Трансформация предпринимательской модели под воздействием маркетплейсов // Российский журнал менеджмента. 2023. Т. 21, № 2. С. 201–225.
4. Панова Е.А. Возможности маркетплейсов в развитии и повышении конкурентоспособности малых и средних предприятий // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 89. С. 51–62.
5. Чекалова О. В., Копасовская Н. Г., Большакова И. В. Электронные маркетплейсы как драйвер развития рынка продуктового ритейла // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 2(66). С. 38–47.
6. Data Insight. Маркетплейсы: итоги 2024 года. Аналитический отчет. Москва, 2025. 78 с.
7. Tinkoff eCommerce. Индекс настроений селлеров, IV квартал 2024 г. URL: <https://tinkoff.ru/business/ecommerce/> (дата обращения: 18.05.2026).

Статья поступила в редакцию 20.05.2026; одобрена после рецензирования 25.05.2026; принята к публикации 01.06.2026.

ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ В ОТРАСЛЯХ ЭКОНОМИКИ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

© Будажапов Тамир Базырович

обучающийся,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

tam.baz@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос экономической эффективности внедрения промышленного интернета вещей в разных отраслях экономики. Основное внимание уделяется тому, насколько быстро такие технологии могут окупаться и от чего зависит срок возврата вложенных средств. На примере Республики Бурятия показано, что внедрение IIoT может быть полезным для энергетики, ЖКХ, транспорта, банковской сферы и логистики, но результат сильно зависит от масштаба проекта, стоимости оборудования, качества связи и наличия специалистов. Сделан вывод, что быстрее всего окупаются проекты, где эффект можно увидеть почти сразу: снижение расходов на обслуживание, топливо, контроль оборудования или выезды сотрудников. В энергетике и ЖКХ срок окупаемости обычно больше, так как проекты требуют крупных вложений и более долгого периода внедрения.

Ключевые слова: промышленный интернет вещей, IIoT, цифровизация, экономика, ROI, срок окупаемости, Республика Бурятия.

EVALUATING THE ECONOMIC EFFICIENCY OF INDUSTRIAL INTERNET OF THINGS IMPLEMENTATION IN ECONOMIC SECTORS: A CASE STUDY OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

Tamir B. Budazhapov

Student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

tam.baz@mail.ru

Abstract. The article examines the issue of the economic efficiency of the introduction of the industrial Internet of Things in various sectors of the economy. The main focus is on how quickly such technologies can pay off and what determines the repayment period of the invested funds. Using the example of the Republic of Buryatia, it is shown that the introduction of IIoT can be useful for energy, housing, transport, banking and logistics, but the result strongly depends on the scale of the project, the cost of equipment, the quality of communication and the availability of specialists. It is concluded that projects pay off the fastest, where the effect can be seen almost immediately: lower maintenance costs, fuel, equipment control or employee departures. In the energy and housing sector, the payback period is usually longer, as projects require large investments and a longer implementation period.

Keywords: industrial Internet of Things, IIoT, digitalization, economy, ROI, payback period, Republic of Buryatia.

В последние годы в России всё чаще говорят о цифровизации предприятий. Под этим обычно понимают не только переход на электронный документооборот или использование программ, но и установку датчиков, систем мониторинга, автоматизированного учёта и удалённого контроля. Одним из таких направлений является промышленный интернет вещей, или IIoT. В научной и аналитической литературе промышленный интернет вещей рассматривается как часть более широкого направления цифровой трансформации промышленности и инфраструктуры [1].

На первый взгляд кажется, что внедрение таких технологий всегда выгодно. Если предприятие может видеть расход энергии, состояние оборудования или движение транспорта в реальном времени, оно должно работать эффективнее. Но на практике возникает другой вопрос: сколько это стоит и когда вложения вернутся? Для экономики это важный момент, потому что сама по себе установка датчиков ещё не означает экономический результат. Если система стоит дорого, а экономия маленькая, проект может окупаться слишком долго.

Для Республики Бурятия эта тема также актуальна. Регион имеет большую территорию, сложные климатические условия, удалённость от крупных промышленных центров и сравнительно ограниченный кадровый ресурс. При этом цифровые решения могут быть полезны для энергетики, ЖКХ, транспорта, банковской инфраструктуры и городского хозяйства. Например, в открытых источниках уже упоминались проекты, связанные с развитием сетей передачи данных для устройств интернета вещей в Бурятии [3]. Поэтому цель данной статьи — рассмотреть, в каких отраслях внедрение IIoT может быть наиболее выгодным, а где срок окупаемости будет более длительным.

Промышленный интернет вещей можно описать простыми словами: это система, в которой разные устройства собирают данные и передают их для анализа. Например, датчик может показывать температуру оборудования, уровень вибрации станка, расход электроэнергии, давление в трубе, местоположение автомобиля или состояние счётчика. Затем эти данные поступают в программу, где их можно увидеть, сравнить и использовать для принятия решений.

Главная польза IIoT заключается в том, что предприятие начинает лучше контролировать свои процессы. Если раньше поломку оборудования замечали уже после остановки, то теперь можно заранее увидеть признаки неисправности. Если раньше показания счётчиков снимались вручную, то теперь они передаются автоматически. Если раньше транспорт контролировался примерно, то теперь можно видеть маршрут, расход топлива и простои.

Экономический эффект от таких решений может проявляться по-разному. Во-первых, снижаются расходы на обслуживание, потому что часть процессов становится автоматической. Во-вторых, уменьшаются потери от аварий и простоев. В-третьих, появляется возможность точнее планировать расходы на энергию, топливо, ремонт и персонал. Похожие эффекты часто выделяются в исследованиях и обзорах, посвящённых предиктивному обслуживанию оборудования и цифровизации производственных процессов [6].

Но для получения эффекта важно, чтобы система была внедрена не формально, а действительно использовалась в управлении. Если датчики установлены, но данные никто не анализирует, экономическая польза будет минимальной.

Для оценки экономической эффективности можно использовать несколько показателей. В данной статье рассматриваются два наиболее понятных показателя: ROI и срок окупаемости.

ROI показывает, насколько выгодными оказались вложения. Формула выглядит так:

$$ROI = (\text{выгода} - \text{затраты}) / \text{затраты} \times 100\%.$$

Если предприятие вложило 1 млн рублей, а получило экономический эффект 1,3 млн рублей, то чистая выгода составит 300 тыс. рублей. В таком случае ROI будет равен 30%. Чем выше показатель, тем выгоднее проект.

Второй показатель — срок окупаемости. Он показывает, сколько времени нужно, чтобы вернуть вложенные деньги. Формула проще:

Срок окупаемости = первоначальные затраты / ежемесячная или ежегодная экономия.

Например, если на котельной в Бурятии установили датчики и систему контроля за 5 млн рублей, а экономия на топливе и обслуживании составила 200 тыс. рублей в месяц, то срок окупаемости будет:

$$5\,000\,000 / 200\,000 = 25 \text{ месяцев.}$$

То есть проект окупится примерно за два года и один месяц. После этого система уже будет приносить экономический эффект, если не учитывать дополнительные расходы на обслуживание, связь и замену оборудования.

Но такой расчёт является упрощённым. В реальной ситуации нужно учитывать не только стоимость датчиков, но и монтаж, программное обеспечение, связь, обучение сотрудников, ремонт, обслуживание и возможные сбои. Для регионов, удалённых от крупных поставщиков оборудования, эти расходы могут быть выше.

На практике срок окупаемости IoT зависит от отрасли. Там, где данные сразу помогают сократить расходы, результат появляется быстрее. Там, где эффект связан с долгосрочной модернизацией инфраструктуры, ждать приходится дольше. По данным аналитических обзоров, в России среди направлений применения интернета вещей выделяются транспорт, энергетика, ЖКХ, промышленность, недвижимость и другие отрасли [2].

Примерная оценка сроков окупаемости может выглядеть следующим образом:

Таблица 1

Примерная оценка срока окупаемости

Отрасль	Что даёт внедрение IoT	Примерный срок окупаемости
Склады и логистика	Контроль движения товаров, транспорта, остатков, снижение ошибок	8–14 месяцев
Производственные предприятия	Контроль оборудования, предупреждение поломок, снижение простоев	12–20 месяцев
Транспорт	Мониторинг маршрутов, топлива, простоев, технического состояния	12–18 месяцев
Банковская инфраструктура	Контроль терминалов, банкоматов, удалённая диагностика	1–1,5 года
ЖКХ и энергетика	Учёт ресурсов, контроль аварий, снижение потерь	2–3 года
Нефтегазовая отрасль	Мониторинг сложных объектов, безопасность, контроль добычи	3–5 лет

Из таблицы видно, что самые быстрые результаты можно получить в логистике, транспорте и банковской инфраструктуре. Это объясняется тем, что там легче посчитать прямую экономию. Например, если система мониторинга транспорта снижает расход топлива и количество простоев, предприятие почти сразу видит результат в деньгах. Подобные решения уже предлагаются операторами связи и цифровыми компаниями как услуги телематики и M2M-мониторинга для бизнеса [4].

В производстве эффект тоже может быть достаточно быстрым, особенно если оборудование дорогое и его простой приводит к большим потерям. Если датчики помогают заранее обнаружить поломку, предприятие экономит на аварийном ремонте и не теряет выручку из-за

остановки работы. Именно поэтому в промышленности большое внимание уделяется предиктивному обслуживанию оборудования, когда ремонт проводится не после аварии, а заранее, по данным датчиков [6].

В ЖКХ и энергетике ситуация сложнее. С одной стороны, умные счётчики, системы учёта и датчики аварийности действительно помогают снижать потери. С другой стороны, инфраструктура дорогая, объектов много, монтаж сложный, а эффект часто распределяется на несколько лет. Поэтому срок окупаемости здесь обычно больше.

Для Республики Бурятия внедрение промышленного интернета вещей имеет свои особенности. Регион не относится к самым крупным промышленным центрам России, но здесь есть сферы, где такие технологии могут быть полезны. В первую очередь это энергетика, ЖКХ, транспорт, связь, банковская инфраструктура и городское хозяйство.

В энергетике и коммунальной сфере перспективным направлением является установка интеллектуальных приборов учёта. Они позволяют автоматически передавать показания, контролировать потребление и быстрее выявлять потери. Например, для энергетических объектов, связанных с подстанциями и линиями электропередачи, автоматизированный учёт может быть важен не только для экономики, но и для надёжности работы системы. В открытых документах Росстандарта также встречаются сведения об автоматизированных информационно-измерительных системах коммерческого учёта электроэнергии, связанных с объектами в том числе на территории Бурятии [7].

В городском хозяйстве интерес представляет развитие сетей связи для датчиков и “умных” устройств. Такие сети могут использоваться для освещения, контроля коммунальных объектов, мониторинга городской инфраструктуры. Для Улан-Удэ и районов Бурятии это особенно актуально, потому что часть объектов находится на расстоянии друг от друга, а ручной контроль требует времени и расходов. Например, в материалах о развитии промышленного интернета вещей в Бурятии упоминалась возможность применения LoRaWAN-сети для городских сервисов, включая проект “Умный свет” [3].

Отдельно можно выделить транспорт и банковскую сферу. Для транспорта IoT полезен тем, что позволяет контролировать движение, расход топлива, техническое состояние машин и работу водителей. Для банков и платёжной инфраструктуры важен мониторинг терминалов и банкоматов. Если устройство перестало работать, система может сообщить об этом быстрее, чем клиент или сотрудник. Это снижает время простоя и расходы на обслуживание. Подобные телематические решения для бизнеса также представлены на региональном уровне в Республике Бурятия [4].

Примерная оценка по Бурятии может быть такой:

Таблица 2

Примерная оценка

Направление внедрения в Бурятии	Где может применяться	Примерный срок окупаемости
Интеллектуальные счётчики и автоматизированный учёт	энергетика, подстанции, коммунальные объекты	2–2,5 года
Сеть датчиков для городских сервисов	Улан-Удэ и районы республики	данных пока недостаточно
Мониторинг транспорта	перевозки, коммунальная техника, служебный транспорт	1–1,5 года

Мониторинг терминалов и банкоматов	банковская и платёжная инфраструктура	около 1,5 года
Датчики в ЖКХ	котельные, водоснабжение, теплоснабжение	2–3 года

Из этого можно сделать вывод, что в Бурятии быстрее всего могут окупаться те проекты, где сразу видна экономия. Например, если предприятие сокращает выезды специалистов, снижает расход топлива или быстрее устраняет сбои, экономический эффект появляется достаточно быстро. А вот проекты в ЖКХ и энергетике требуют более серьёзных вложений, поэтому срок окупаемости там обычно дольше.

Почему в Бурятии срок окупаемости может быть больше? Сравнивать Бурятию с Москвой или крупными промышленными регионами напрямую не совсем правильно. Условия внедрения технологий отличаются. В крупных городах больше поставщиков, подрядчиков, специалистов, сервисных центров и готовой цифровой инфраструктуры. В Бурятии многие проекты могут обходиться дороже.

Первая причина — логистика. Оборудование, датчики, контроллеры и комплектующие часто нужно доставлять из других регионов. Это увеличивает стоимость проекта. Кроме того, если оборудование выходит из строя, его ремонт или замена могут занимать больше времени.

Вторая причина — кадровая. Для нормальной работы IoT нужны специалисты, которые понимают не только оборудование, но и данные. Недостаточно просто установить датчики. Нужно уметь анализировать информацию, настраивать систему, делать выводы и принимать управленческие решения. В аналитических материалах по цифровизации промышленности также отмечается, что эффект от технологий зависит не только от оборудования, но и от способности организаций работать с данными [6].

Третья причина — климат. В Бурятии зимой температура может сильно снижаться. Для датчиков, аккумуляторов, модулей связи и другого оборудования это серьёзная нагрузка. Если оборудование установлено на улице или на удалённых объектах, нужно учитывать морозы, перепады температуры, влажность и защиту корпуса. Всё это увеличивает расходы на оборудование и обслуживание.

Поэтому можно предположить, что реальный срок окупаемости IoT-проектов в Бурятии может быть на 20–30% дольше, чем в среднем по более развитым и компактным регионам. Например, если в центральной части России проект окупается за 18 месяцев, в Бурятии он может окупаться около 22–24 месяцев.

Что важно учитывать при внедрении? На мой взгляд, главная ошибка при внедрении IoT — установка датчиков без понимания, какой экономический результат должен быть получен. Иногда предприятие покупает оборудование, потому что это современно, но потом не использует данные в управлении. В таком случае система становится просто дополнительной затратой.

Перед запуском проекта нужно ответить на несколько вопросов. Какие расходы предприятие хочет сократить? Какую проблему решают датчики? Кто будет смотреть данные? Как быстро можно принять решение на основе этих данных? Сколько будет стоить обслуживание системы?

Для Бурятии можно предложить несколько практических рекомендаций.

Во-первых, если нужен быстрый экономический эффект, лучше начинать с транспорта, логистики, мониторинга терминалов, банкоматов или другого оборудования, где простой сразу приводит к потерям. Такие проекты проще считать и легче показать их пользу.

Во-вторых, в ЖКХ и энергетике IIoT тоже нужен, но ожидать быстрой окупаемости не стоит. Здесь лучше планировать срок от двух до трёх лет, а иногда и больше. Зато эффект может быть долгосрочным: снижение потерь, повышение прозрачности учёта, меньше аварийных ситуаций. Развитие интеллектуального учёта ресурсов в целом соответствует направлению цифровизации энергетики и коммунальной инфраструктуры [5].

В-третьих, важен масштаб. Если поставить 5–10 датчиков на один объект, экономический эффект может быть слабым. Для реальной выгоды система должна охватывать достаточное количество объектов. Например, если речь идёт о городе, то лучше считать проект не на одну котельную или один счётчик, а на сеть объектов.

В-четвёртых, в бюджет сразу нужно закладывать региональные особенности: доставку, монтаж, обслуживание, запасные элементы, обучение сотрудников и возможное удорожание из-за климата. Для Бурятии разумно прибавлять к первоначальному бюджету хотя бы 20%, чтобы расчёт был ближе к реальности.

Промышленный интернет вещей может быть полезным инструментом для повышения эффективности экономики, но его внедрение должно оцениваться не только с технической, но и с финансовой точки зрения. Для предприятия важно не просто поставить датчики, а понять, какую проблему они решают и когда вложения вернутся.

Быстрее всего IIoT окупается в тех сферах, где экономия появляется сразу: транспорт, логистика, банковская инфраструктура, мониторинг оборудования. В этих направлениях срок окупаемости может составлять примерно от одного года до полутора лет. В производстве срок обычно немного больше — около 12–20 месяцев, потому что многое зависит от стоимости оборудования и убытков от простоев.

В ЖКХ и энергетике проекты тоже имеют смысл, особенно для Бурятии, где важны контроль ресурсов, снижение потерь и надёжность инфраструктуры. Но срок окупаемости здесь чаще составляет 2–3 года. Это связано с большим количеством объектов, дорогим монтажом и длительным внедрением.

Для Республики Бурятия нужно учитывать дополнительные факторы: удалённость, климат, стоимость доставки оборудования и нехватку специалистов. Поэтому реальные сроки окупаемости могут быть на 20–30% дольше, чем в среднем по России. При этом полностью отказываться от внедрения таких технологий неправильно. Наоборот, региону важно развивать цифровые решения, но делать это постепенно и с расчётом экономического эффекта.

Главный вывод заключается в том, что IIoT выгоден тогда, когда внедряется не ради “модной цифровизации”, а ради конкретной экономии. Если проект имеет понятную цель, достаточный масштаб и заранее рассчитанный бюджет, он может стать реальным инструментом повышения эффективности предприятий и организаций Республики Бурятия.

Литература

1. Industrial Internet of Things — промышленный интернет вещей: [сайт] // TAdviser. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Industrial_Internet_of_Things_\(IIoT\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Industrial_Internet_of_Things_(IIoT))
2. Интернет вещей, IoT : рынок России : [сайт] // TAdviser. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет_вещей,IoT\(рынок_России\)](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет_вещей,IoT(рынок_России))

3. «ЭР-Телеком Холдинг» внедрит промышленный интернет вещей в Бурятии: [сайт] // CNews. 2019. 15 февраля. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2019-02-15_ertelekom_holding_vnedrit_promyshlennyj_internet
4. Телематика для M2M-устройств в Улан-Удэ и Республике Бурятия: [сайт] // МТС Бизнес. URL: <https://business.mts.ru/buryatia/telematika>
5. NB-IoT счётчики для бизнеса в Улан-Удэ и Республике Бурятия: [сайт] // МТС Бизнес. URL: <https://business.mts.ru/buryatia/iot/nb-iot>
6. Prediction at scale: How industry can get more value out of maintenance: [сайт] // McKinsey & Company. — URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/operations/our-insights/prediction-at-scale-how-industry-can-get-more-value-out-of-maintenance>
7. Сведения об автоматизированных информационно-измерительных системах коммерческого учета электрической энергии : приказ Росстандарта от 18.01.2024 № 135 : [сайт] // ФГИС «АРШИН». URL: https://oeianalitika.ru/kurilka/order_info.php?order_id=517450

Статья поступила в редакцию 01.06.2026; одобрена после рецензирования 03.06.2026; принята к публикации 11.06.2026.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КРЕДИТОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ (НА МАТЕРИАЛАХ ООО «АВТОКРЕДИТ»)

© Бухаев Денис Васильевич

обучающийся,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

dbukhaev@avtokred.com

Аннотация. В статье исследованы теоретические основы кредитования физических лиц, выделены особенности автокредита как целевого займа. На материалах ООО «Автокредит» (кредитный брокер) проанализирована динамика выдачи автокредитов за 2022–2024 гг. Выявлены основные проблемы автокредитования в г. Улан-Удэ: высокие ставки, недоверие к продавцам, ограничения для мигрантов. Предложены меры по снижению просроченной задолженности: улучшение скоринга, реструктуризация, коллекторское взаимодействие. Обоснована роль кредитного брокера в повышении доступности автокредитов.

Ключевые слова: кредитование физических лиц, автокредит, просроченная задолженность, кредитный брокер, управление рисками.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF LENDING TO INDIVIDUALS (BASED ON THE MATERIALS OF AVTOKREDIT LLC)

Denis V. Bukhaev

Student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

dbukhaev@avtokred.com

Abstract. The article examines the theoretical foundations of lending to individuals, highlighting the features of car loans as a targeted loan. Based on the materials of Avtokredit LLC (a credit broker), the dynamics of car loan issuance for 2022–2024 are analyzed. The main problems of car lending in Ulan-Ude are identified: high interest rates, distrust of sellers, restrictions for migrants. Measures to reduce overdue debt are proposed: improving scoring, restructuring, collection interaction. The role of a credit broker in increasing the availability of car loans is substantiated.

Keywords: lending to individuals, car loan, overdue debt, credit broker, risk management.

Автокредитование занимает значительную долю российского рынка потребительского кредитования. В условиях низкой доступности банковских услуг для населения в регионах возрастает роль кредитных брокеров — посредников, помогающих заёмщикам выбрать оптимальный кредитный продукт и оформить документы [1, с. 215]. Объект исследования — ООО «Автокредит» (г. Улан-Удэ), специализирующийся на автокредитовании с 2017 года. Предмет — организация выдачи и погашения автокредитов, а также проблемы просроченной задолженности.

Автокредит — это целевой заём на покупку автомобиля, при котором машина находится в залоге у банка до полного погашения долга. Как отмечает Н. П. Белотелова, главное отличие

автокредита от потребительского — более низкая ставка за счёт обеспечения и обязательный первоначальный взнос [2, с. 300]. В 2025 году, после повышения ключевой ставки ЦБ до 21%, процентные ставки по автокредитам достигли 26–32%. Сравнительная характеристика представлена в табл. 1.

Таблица 1

Сравнение автокредита и потребительского кредита

Критерий	Автокредит	Потребительский кредит
Обеспечение	Залог автомобиля	Отсутствует
Первоначальный взнос	10–30%	Не требуется
Процентная ставка (2025 г.)	26–32%	30–40%
Максимальная сумма, млн руб.	до 20	до 5
Обязательная страховка	КАСКО (часто)	ОСАГО (при покупке авто)

ООО «Автокредит» сотрудничает с 13 банками-партнёрами (Т-Банк, Сбер, ВТБ, Совкомбанк и др.). За 2022–2024 гг. компания демонстрирует устойчивый рост (табл. 2). Расширение филиальной сети (Владивосток, Хабаровск, Иркутск) и запуск в 2022 году авторынка «Новый» в Улан-Удэ позволили увеличить выдачу кредитов в городе с 234 в 2021 году до 1081 в 2024 году (табл. 3).

Таблица 2

Динамика автокредитования в ООО «Автокредит»

Показатель	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Объём выданных кредитов, млн руб.	1497,5	2675,3	420,9
Количество выданных кредитов, шт.	1 950	2 834	270
Средняя сумма кредита, руб.	767 968	944 000	046 140

Таблица 3

Выдача автокредитов в г. Улан-Удэ (шт.)

Год	2020	2021	2022	2023	2024
Количество	203	234	437	1057	081

Ключевые проблемы автокредитования в регионе: высокие ставки, возрастные и миграционные ограничения, недоверие к продавцам автомобилей с пробегом. По данным Банка России, объём просроченной задолженности в системе достиг 1,28 трлн руб. на январь 2025 года. Портрет типичного должника по автокредиту: 58,5% — женщины, 32,3% — мужчины, преобладают лица в возрасте 30–40 лет, 76% имеют среднее специальное образование. Портрет типичного должника представлен на рис. 1.

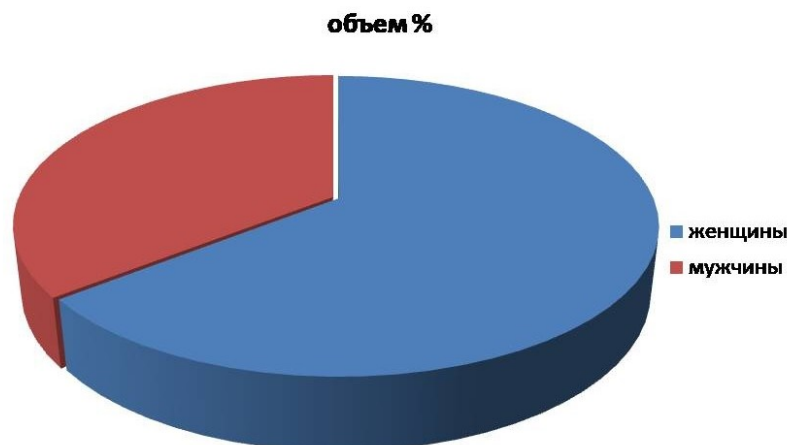

Рис. 1. Портрет должника по автокредиту

Основные причины невозврата долга: ухудшение финансового состояния (19%), потеря работы (15%), оспаривание суммы (20%), незнание о задолженности (13%) [3, с. 54]. ООО «Автокредит» не имеет доступа к кредитным историям клиентов (ФЗ №152-ФЗ), поэтому для снижения рисков используется первичный андеррайтинг.

Для банков-партнёров предложены следующие меры по сокращению просрочки:

1. Совершенствование скоринговых моделей с учётом региональных факторов.
2. Реструктуризация долгов для заёмщиков с временными трудностями.
3. Передача «проблемных» кредитов коллекторским агентствам.
4. Повышение финансовой грамотности клиентов при оформлении договора.

Как подчёркивает О.И. Лаврушин, единой схемы работы с проблемными активами не существует, однако системный мониторинг заёмщиков обязателен [3, с. 210]. Внесудебные меры (реструктуризация, переуступка долга) для физических лиц эффективнее судебных. Эффективность предложенных инструментов подтверждается практикой: в банках-партнёрах доля просрочки снизилась с 2,3% до 1,7% за 2024 год.

Таким образом, автокредитование остаётся востребованным, но требует улучшения риск-менеджмента. Деятельность кредитного брокера ООО «Автокредит» повышает доступность кредитов для населения, особенно при создании комфортной инфраструктуры (авторынок «Новый»). Реализация предложенных мер позволит дополнительно снизить долю проблемных кредитов в портфелях банков-партнёров.

Литература

1. Антонов П. Г., Пессель М. Денежное обращение, кредиты, банки. Москва: ИНФРА-М, 2010. 368 с.
2. Белотелова Н.П. Деньги. Кредит. Банки: учебник. Москва: Дашков и К°, 2018. 400 с.
3. Лаврушин О.И. Банковское дело: учебник. Москва: КНОРУС, 2019. 800 с.

Статья поступила в редакцию 01.06.2026; одобрена после рецензирования 03.06.2026; принята к публикации 11.06.2026.

**СИНТЕЗ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО И КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА:
КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ДИАГНОСТИКЕ ЦИФРОВОЙ ЗРЕЛОСТИ РЕГИОНА
В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СТРУКТУРЫ ЗАНЯТОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)**

© **Бычкова Екатерина Ярославовна**

обучающийся,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

ekaterina42601@gmail.com

© **Грошев Руслан Владимирович**

обучающийся,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

groshev312@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена разработке диагностического подхода к оценке цифровой зрелости региона, объединяющего характеристики технологического и кадрового потенциала в единый аналитический инструмент. На материалах Республики Бурятия проанализирована взаимозависимость между структурой занятости и уровнем технологической оснащённости предприятий. Выявлен парадокс: при высокой доле машиностроительного производства республика демонстрирует существенное отставание по кадровой обеспеченности научно-исследовательского сектора. Предложена система индикаторов, интегрирующая инновационные, кадровые, инфраструктурные и производственные параметры. Результаты типологизации позволяют обосновать дифференцированные стратегические приоритеты повышения цифровой зрелости.

Ключевые слова: цифровая зрелость региона, кадровый потенциал, технологический потенциал, структура занятости, Республика Бурятия, диагностика регионального развития, инновационная активность, научно-технологическое пространство, интегральная оценка, трансформация экономики, человеческий капитал, обрабатывающая промышленность.

SYNTHESIS OF TECHNOLOGICAL AND HUMAN RESOURCES POTENTIAL:
AN INTEGRATED APPROACH TO ASSESSING THE DIGITAL MATURITY
OF A REGION IN THE CONTEXT OF EMPLOYMENT STRUCTURE TRANSFORMATION
(USING THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)

Ekaterina Ya. Bychkovskaya

Student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

ekaterina42601@gmail.com

Ruslan V. Groshev

Student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

groshev312@gmail.com

Abstract. This article develops a diagnostic approach to assessing a region's digital maturity, combining characteristics of technological and human resources potential into a single analytical tool. Using data from the Republic of Buryatia, the relationship between employment structure and the level of technological equipment at enterprises is analyzed. A paradox is identified: despite a high share of mechanical engineering production, the republic exhibits a significant lag in the staffing of its research and development sector. A system of indicators is proposed that integrates innovation, human resources, infrastructure, and production parameters. The results of this typology allow us to substantiate differentiated strategic priorities for improving digital maturity.

Keywords: regional digital maturity, human resources potential, technological potential, employment structure, Republic of Buryatia, regional development diagnostics, innovation activity, scientific and technological space, integrated assessment, economic transformation, human capital, manufacturing industry.

Введение

Цифровизация российской экономики ставит перед региональными системами управления задачу, решение которой требует одновременного учёта готовности технологической инфраструктуры к внедрению инноваций и способности имеющихся кадров эти инновации освоить. Разрыв между ними превращает инвестиции в цифровую трансформацию либо в недоиспользованное оборудование, либо в неприменимые компетенции. Между тем большинство существующих методик оценивают технологическую и кадровую составляющие порознь, что лишает исследователя возможности зафиксировать структурные диспропорции, определяющие реальный уровень цифровой зрелости территории.

Понятие научно-технологического пространства, предложенное Е. А. Мазилковым и Д. Ю. Саханевичем, описывает среду, обусловленную функционированием участников в рамках нормативно-правовых документов, регламентирующих научно-технологическое развитие [1]. В данном определении кадровый потенциал не выделен как самостоятельный элемент, хотя именно он пронизывает все компоненты такого пространства — организационно-управленческий, ресурсный, материально-технологический и социальный.

Республика Бурятия представляет показательный случай. С одной стороны, удельный вес производства машин и оборудования в общем объёме промышленного производства достигает 66,7 % — один из самых высоких показателей среди субъектов РФ [2]. С другой — численность персонала, занятого научными исследованиями, остаётся невысокой, а образовательная система испытывает давление демографического оттока. Цель исследования — разработать комплексный диагностический подход к оценке цифровой зрелости, интегрирующий технологические и кадровые параметры, и апробировать его на материалах Бурятии.

Теоретические основания и методология

В области кадрового потенциала сложились ресурсный, результатный, системный и процессный подходы [3], каждый из которых акцентирует определённую грань — от количественных характеристик персонала до качественных параметров его отдачи. В. Ф. Потуданская с соавторами определяют кадровый потенциал региона как совокупность качественных и количественных характеристик трудоспособного населения, работающего по найму на территории определённого субъекта [4]. Параллельно развивались исследования технологической зрелости, понимаемой как интегральное состояние технологического потенциала территории [2]. Методологическая трудность состоит в том, что инновационный потенциал, инфраструктура, кадры и производство анализировались в отечественной литературе преимущественно порознь [5, 6].

Для преодоления фрагментарности применяется методика, интегрирующая четыре группы факторов: инновационный потенциал (патентные заявки, затраты на НИОКР, доля инновационно-активных организаций, доля инновационной продукции); инфраструктура (технопарки, широкополосный доступ к Интернету, коэффициент обновления основных фондов, инвестиции в обрабатывающую промышленность); кадры (занятые в НИР, цифровая грамотность, численность студентов, доля занятых с высшим образованием); производство (индекс промышленного производства, подушевой объём продукции, доля обрабатывающих отраслей в ВРП, удельный вес высокотехнологичных производств) [2]. Нормализация выполнена методом минимакса, агрегация — с весами по Саати: инновации — 0,35; инфраструктура — 0,10; кадры — 0,10; производство — 0,45. Информационная база — данные Росстата за 2023 г. [7].

Результаты исследования

Расчёт интегрального индекса подтвердил выраженную поляризацию субъектов РФ. Москва (17,59), Нижегородская область (15,21) и Санкт-Петербург (13,96) образуют «технологический фронт». Республики Северного Кавказа замыкают распределение со значениями ниже единицы. Республика Бурятия с индексом 1,89 отнесена к регионам умеренного развития в ДВФО, что ставит её в ряд с Приморским (3,71) и Хабаровским (1,94) краями, но существенно выше аутсайдеров — Забайкальского края (1,06) и Еврейской АО (0,28).

Таблица 1

Субиндексы цифровой зрелости Республики Бурятия

Субиндекс	Бурятия	Медиана РФ	Откл., %
Инновационный потенциал	0,31	0,48	–35,4
Инфраструктура	0,18	0,22	–18,2
Кадры	0,24	0,33	–27,3
Производство	0,72	0,41	+75,6
Интегральный индекс	1,89	2,33	–18,9

Источник: рассчитано автором по данным [7].

Структура индекса обнаруживает характерный дисбаланс (табл. 1). Производственный субиндекс Бурятии превышает медиану на 75,6 % за счёт концентрации машиностроительных мощностей. Инновационный субиндекс, напротив, отстаёт на 35,4 %, а кадровый — на 27,3 %. Промышленная база функционирует в условиях нарастающего дефицита исследовательских и инженерных кадров, способных обеспечить её обновление.

Данная закономерность согласуется с выводами В. А. Васяйчевой о том, что эффективность инновационного развития промышленных предприятий может снижаться при неадекватной кадровой политике даже на фоне роста числа занятых [8]. В Бурятии ситуация обратная — при наличии индустриальной базы кадровый потенциал не получает достаточного развития. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, составляет менее 0,003 от экономически активного населения при среднероссийском показателе около 0,009 [7]. За период 2010–2020 гг. численность такого персонала по стране снизилась с 736,5 до 663,6 тыс. человек [8], и Бурятия не стала исключением.

Типологизация позволяет сформулировать дифференцированные приоритеты. Для регионов группы Бурятии — с выраженной промышленной специализацией — первоочередными задачами выступают цифровизация производственных процессов действующих предприятий, формирование инновационных кластеров на базе существующей инфраструктуры, создание корпоративных образовательных программ при заводах и локализация цепочек поста-

вок [2, 9]. Эти приоритеты принципиально отличаются от задач регионов-лидеров (глобальная конкурентоспособность) и аутсайдеров (базовая инфраструктура).

Заключение

Предложенный подход позволяет зафиксировать структурные диспропорции, ускользающие при раздельном анализе технологической и кадровой составляющих. Случай Бурятии показывает, что высокий производственный субиндекс маскирует глубокий кадровый и инновационный дефицит, если анализ ограничен одним параметром. Интегральный индекс цифровой зрелости обеспечивает более полную диагностику, на основании которой возможно обоснование адресных стратегий развития.

Для Республики Бурятия обоснована приоритетность мер по усилению кадровой составляющей: привлечение и удержание исследовательских кадров, развитие корпоративных образовательных программ, повышение цифровой грамотности занятых на машиностроительных предприятиях. Практические результаты могут быть использованы при корректировке разделов по технологическому развитию в стратегиях социально-экономического развития субъектов РФ [9, 10]. Дальнейшие исследования целесообразно направить на включение индикаторов межрегиональной кооперации и анализ динамики индекса за несколько временных периодов.

Литература

1. Мазилев Е. А., Саханевич Д. Ю. Структура и элементы научно-технологического пространства // Корпоративная экономика. 2020. № 2(22). С. 4–13.
2. Хмелева, Г. А. Технологический суверенитет как инструмент обеспечения устойчивого развития экономики региона в условиях санкций // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № 3.
3. Максимова Л. В., Гнездилов Е. А., Максимов И. С. Анализ научных подходов к определению понятия «кадровый потенциал организации» // Направления модернизации современного инновационного общества: сборник материалов международной научно-практической конференции. 2015. С. 81–87.
4. Потуданская, В. Ф., Боровских Н. В., Кипервар Е. А. Кадровый потенциал региона: сущность, факторы, проблемы формирования // Экономика труда. 2018. Т. 5, № 3. С. 735–744.
5. Chirkunova, E. K. Regional Digital Maturity: Design and Strategies / E. K. Chirkunova, G. A. Khmleva, E. N. Koroleva, M. V. Kurnikova // Digital Age: Chances, Challenges and Future. 2020. Vol. 84. P. 205–213.
6. Булдакова А. А., Загоруйко Н. А. Роль человеческого капитала в эпоху укрепления технологического суверенитета России // Человек. Социум. Общество. 2023. № 5. С. 245–252.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: стат. сб. / Росстат. Москва, 2024.
8. Васяйчева В. А., Сахабиева Г. А., Сахабиев В. А. Анализ проблем функционирования предприятий отрасли транспортного машиностроения РФ // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 9-1 (131). С. 68–79.
9. Стратегирование технологического суверенитета национальной экономики / В. Л. Квинт, И. В. Новикова, М. К. Алимуратов, Н. И. Сасаев // Управленческое консультирование. 2022. № 9 (165). С. 57–67.
10. Турчинов А. И. Проблемы управления кадровым потенциалом общества в условиях рынка // Управление. 2016. № 3. С. 88–93.

Статья поступила в редакцию 06.04.2026; одобрена после рецензирования 10.04.2026; принята к публикации 17.04.2026.

БЮДЖЕТНАЯ СИСТЕМА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

© Вампилова Арюна Дамдиновна

Обучающийся,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

aryu2yuna@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию параметров бюджетной системы страны в годы Великой Отечественной войны. Рассмотрены основные аспекты формирования и использования централизованных денежных фондов советского государства в годы войны. Представлена структура доходов и расходов бюджетной системы страны. Рассмотрены основные союзные, региональные и местные налоги, уплачиваемые предприятиями и населением в госбюджет. Отмечена высокая роль советских граждан в формировании предпосылок Великой Победы над фашизмом.

Ключевые слова: финансы, бюджет, бюджетная система, доходы, расходы, налоги, Великая Отечественная война, дефицит бюджета

THE BUDGET SYSTEM DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Aryuna D. Vampilova

Student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

aryu2yuna@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the parameters of the country's budget system during the Great Patriotic War. The main aspects of the formation and use of centralized monetary funds of the Soviet state during the war years are considered. The structure of income and expenses of the country's budget system is presented. The main union, regional and local taxes paid by enterprises and the population to the state budget are considered. The high role of Soviet citizens in shaping the prerequisites for the Great Victory over Fascism was noted.

Keywords: finance, budget, budget system, revenues, expenses, taxes, the Great Patriotic War, budget deficit.

Бюджетная система государства формировалась с момента создания СССР. Она включала союзный, региональные и местные бюджеты. Окончательно бюджетная система страны сформировалась с принятием Конституции 1924 г.

Великая Отечественная война стала переломным периодом в истории страны, кардинально поменяв все сферы жизни общества. В период Великой Отечественной войны бюджетная система СССР выдержала суровые испытания. В довоенный период бюджетная система развивалась по пятилетним планам. С началом Великой Отечественной войны был прерван план третьей «пятилетки», который реализовывался с 1938 г. Бюджетная система была экстренно реструктуризирована, что было связано с особенностями покрытия военных расходов, необходимых для достижения победы в Великой Отечественной войне [7].

Доходы бюджетной системы (консолидированного государственного бюджета СССР) представлены в таблице 1.

Таблица 1

Доходы государственного бюджета СССР, млрд. руб. [1, с. 165]

Показатели	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Доходы, всего из них:	180,2	177,0	165,0	204,4	268,7	302,0
От социалистического хозяйства, в т. ч.	160,1	155,0	120,4	141,4	187,2	229,7
– налог с оборота	105,9	93,2	66,4	71,0	94,9	123,1
– отчисления от прибылей	21,7	23,5	15,3	20,1	21,4	16,9
– подоходный налог и налог нетоварных операций предприятий и населения	3,2	3,1	1,9	2,9	3,5	3,3
– социальное страхование	8,5	6,9	5,8	6,7	8,9	10,3
– иные доходы	20,8	28,3	31,0	40,7	58,5	76,1
Привлечение средств населения, в т. ч.	20,1	22,0	44,6	63,0	81,5	72,3
– государственные налоги с населения	9,4	10,8	21,6	28,6	37,0	39,8
– займы, реализуемые по подписке	9,0	8,3	12,2	17,9	26,3	23,1
– прочие средства	1,7	2,9	10,8	16,5	18,2	9,4

Наибольшую долю (свыше 70%) в структуре доходов государственного бюджета составляли доходы от социалистического хозяйства. Основными источниками дохода от социалистического хозяйства являлись налоги с оборота предприятий и отчисления от прибылей.

После начала войны в целях укрепления бюджета и увеличения расходов на оборону страны были введены правки в налоговую систему государства.

3 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об установлении на военное время временной надбавки к сельскохозяйственному налогу и подоходному налогу с населения», в котором установились на военное время временную надбавку сельскохозяйственному налогу в размере 100% с суммы налога, предъявленной к уплате.

21 ноября 1941 г. введен налог на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР [6]. Налогоплательщиками данного налога являлись одинокие и семейные, не имеющие детей, граждане: мужчины в возрасте от 20 до 50 лет и женщины в возрасте от 20 до 45 лет. При введении налога на холостяков, одиноких и бездетных граждан были увеличены государственные пособия многодетным и одиноким матерям. В государственный бюджет за счет введения данного налога поступило около 3,4 млрд. руб.

Начиная с 1942 г. был установлен военный налог [4]. При введении данного налога временная надбавка к сельскохозяйственному налогу и к подоходному налогу с населения была отменена. Плательщиками военного налога являлись граждане СССР (мужчины и женщины), достигшие 18 лет, за исключением тех граждан, которые освобождались от уплаты налога. За 1942–1945 гг. военный налог дал государственному бюджету около 72,1 млрд. руб. [2].

Помимо основных налогов граждане СССР выплачивали местные налоги и сборы, которые шли на пополнение республиканского бюджета. По Указу Президиума Верховного Совета СССР «О местных налогах и сборах» были введены следующие налоги и сборы: налог со строений; земельная рента; сбор с владельцев транспортных средств; сбор с владельцев скота; разовый сбор на колхозных рынках [5].

Несмотря на введение дополнительных налогов и увеличение ставок по другим налогам, доходы государственного бюджета не покрывали расходов бюджета в связи с сокращением налогов с оборотов, которые уплачивали все предприятия, поскольку наибольшая часть дохода использовалась на нужды войны и увеличение финансирования военного производства.

С 1940 г. по 1944 г. возросли платежи и взносы населения с 11,2% до 30,3% от общей суммы всех доходов. За весь период Великой Отечественной войны платежи и взносы населения увеличились с 22,0 млрд. руб. до 72,3 млрд. руб., то есть на 228,6%.

Кроме обязательных платежей в виде налогов, население в годы Великой Отечественной войны оказывало добровольную помощь государству для ведения войны и приближения дня победы над фашистской Германией. Помощь от населения внесло существенный вклад в государственный бюджет СССР. В первые дни войны был образован «Фонд Оборона», куда граждане могли добровольно передавать денежные средства и ценные вещи для покрытия расходов обороны страны. Совокупный объем мобилизованных наличных и безналичных денежных средств превысили 16 млрд. руб. [3, с. 398].

Во время Великой Отечественной войны среди граждан пользовались популярностью денежно-вещевые лотереи. За четыре года войны было выпущено четыре денежно-вещевых лотереи, сумма которых уходила в государственный бюджет для покрытия нужд фронта и тыла.

С первых дней войны многие ушли на фронт, преимущественно рабочие и специалисты, работавших на заводах и предприятий. Из-за нехватки рабочих сил началась мобилизация трудовых ресурсов. Мобилизованными были граждане мужского пола от 16 до 55 лет, женского пола от 16 до 45 лет и люди с третьей группой инвалидности. Уклонение от работ наказывалось лишением свободы на срок от 5 до 8 лет.

С 1941–1943 г. удельный вес социального страхования в структуре общих доходов бюджета составлял около 3%. Динамика социального страхования за первые три года войны по сравнению с довоенным периодом уменьшилась на 21,2%. В 1944 г. доход от социального страхования доходил до 8,9 млрд. руб., достигая сумму довоенного 1940 г.

Благодаря государственному страхованию покрывались расходы на оборону страны. Непосредственно с ростом проблем здоровья у населения и высокой смертностью в 1942 г. выплаты по страхованию превысили взносы, следовательно, доходы по социальному страхованию уменьшились на 15,9% в сравнении с предшествующим годом.

В страховой системе страны также были внесены некоторые изменения. Так, в 1942 г. Совет Народных комиссаров утвердил постановление «О добровольном страховании сельскохозяйственных культур, животных и средств транспорта» и Президиум Верховного Совета издал указ «Об изменении и дополнении закона об обязательном окладном страховании», в котором повышены нормы выплат по страхованию из-за чего увеличились взносы добровольного страхования. Для развития страхования Госстрах СССР внедряет новые виды индивидуального страхования, дополнительно вводятся соглашения с надбавками к пенсионному обеспечению, страхование в случае смерти, инвалидности и дожития. [3, с. 403].

Как показывает история, в период различных войн всегда возрастают расходы на оборону страны. С началом Великой Отечественной войны, по сравнению с 1940 г., доля расходов на оборону страны возросла в структуре общих расходов на 46,1%. Расходы бюджетной системы были подчинены военному времени (табл. 2).

Таблица 2

Расходы государственного бюджета СССР, млрд. руб. [1, с. 165]

Показатели	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Расходы, всего	174,3	191,4	182,8	210,0	264,0	298,6
Народное хозяйство	58,4	51,7	31,6	33,1	53,8	74,5
Социально-культурные расходы	40,9	31,4	30,3	37,7	51,3	62,7
Оборона страны	56,8	83,0	108,4	125,0	137,8	128,2
Государственное управление	6,8	5,1	4,3	5,2	7,4	9,2
Прочие расходы	11,4	20,2	8,2	9,0	13,7	24,0

В целях покрытия расходов на оборону страны государству пришлось сократить затраты на народное хозяйство и социально-культурную деятельность. В 1941 г. расходы на народное хозяйство сократились на 11,5%, социально-культурные расходы — на 23,2%. Тем не менее, видна незначительная тенденция увеличения расходов на народное хозяйство и социально-культурные расходы до 1943 г. Начиная с 1944 г. расходы социально-культурной деятельности и народного хозяйства приходят в состояние довоенного периода. Причиной увеличения данных расходов были обширные восстановительные работы в районах, которые были оккупированы фашистскими войсками.

С 1941 г. расходы государственного бюджета СССР были выше доходов страны, то есть, наблюдается дефицит бюджета (рис. 1). На протяжении первых трех лет Великой Отечественной войны госбюджет оставался дефицитным.

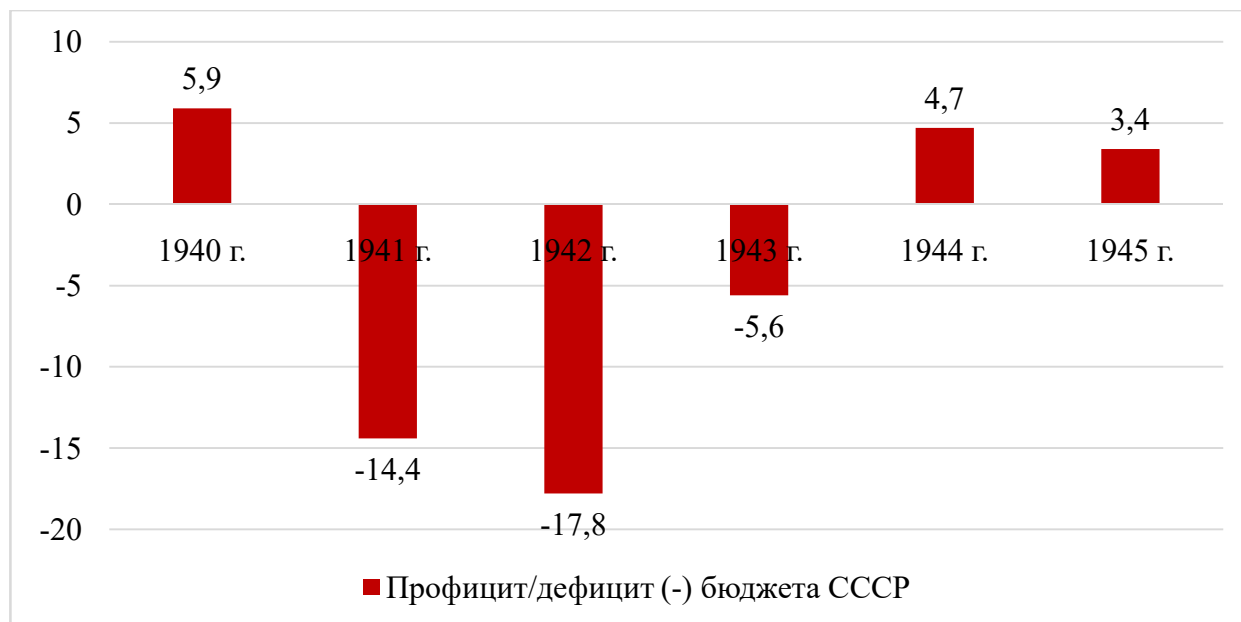

Рис. 1. Профицит, дефицит (-) бюджета СССР

Начиная с 1944 г. доходы бюджета государства стали превышать расходы благодаря налоговым поступлениям, в особенности — росту налогов населения и увеличению налога с оборота предприятий.

Для покрытия дефицита бюджета государство приняло ряд вынужденных мер. До начала Великой Отечественной войны уже вводились государственные займы. Поэтому для увели-

чения доходов бюджета 14 апреля 1942 г. был размещен первый государственный военный заем среди населения на сумму 10 млрд. руб. Население с одобрением отнеслось к военному займу, поэтому за десять дней после размещения первого займа подписало на сумму 12,8 млрд. руб., что превысило сумму займа на 2,8 млрд. руб. За военный период было размещено четыре государственных военных займа.

Дополнительное пополнение государственного бюджета осуществлялось, в том числе, через регулирование цен на товары, которые не являются товарами первой необходимости. Таким образом, Государство посредством ценообразования увеличивало доходы государственного бюджета, однако, такое повышение цен было допущено лишь в ограниченных пределах. На первом этапе войны была введена карточная система снабжения нормированными товарами. В ноябре 1941 г. все республики страны перешли на карточную систему. В 1947 г. с проведением денежной реформы карточная система в стране была отменена.

Непосредственно источником дохода в государственный бюджет служила эмиссия денег, но она была не столь значительной относительно привлечения средств населения и дохода от социалистического хозяйства. В сравнении с другими странами, участвовавшими во Второй мировой войне, денежное обращение СССР оказалось намного меньше.

Таким образом, из-за нападения фашистской Германии на СССР пришлось переводить экономику на военный режим и развивать военную промышленность. Данный перевод осуществился за один год с начала войны. Государство все силы направило на поддержание военной промышленности и оборону страны. Несмотря на тяжелые годы, безвозмездные добровольные пожертвования граждан СССР сыграли огромную роль, как в бюджетной системе государства, так и в победе над фашистскими войсками. В том числе, вынужденные меры для покрытия дефицита государственного бюджета и надлежащий контроль за годы войны способствовали росту доходов бюджета.

Литература

1. Великая Отечественная война. Юбилейный статистический сборник: Стат.сб. / Росстат — Москва., 2015. — 299 с.
2. Глушакова, О. В. Механизмы адаптации системы государственных финансов СССР к условиям военного времени в довоенный период и в годы Великой Отечественной войны / О. В. Глушакова // Денежная система России: история, современность и перспективы развития : Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, Новосибирск, 31 октября — 01 2019 года / Под научной редакцией Н.В. Фадейкиной. — Новосибирск: Сибирская академия финансов и банковского дела, 2019. — С. 10-21. — EDN HBMXRQ.
3. Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917–1950 гг.) / В.П. Дьяченко. — Москва: Наука, 1978. — 496 с.
4. О военном налоге: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29. 12.1941 г.
5. О местных налогах и сборах: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10.04.1942 г.
6. О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21.11.1941 г
7. Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) / Я.Е.Чадаев ; — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Мысль, 1985. — 494 с.

Статья поступила в редакцию 28.05.2026; одобрена после рецензирования 01.06.2026; принята к публикации 08.06.2026.

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЦИФРОВОЙ ЗРЕЛОСТИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ И ОБОСНОВАНИЕ ПРИОРИТЕТОВ ЕЁ РАЗВИТИЯ

© **Грошев Руслан Владимирович**

Обучающийся,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

groshev312@gmail.com

© **Барлуков Александр Михайлович**

Кандидат экономических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

barlukov88@mail.ru

Аннотация. В этой статье представлено статистическое исследование цифровой зрелости Республики Бурятия. Мы анализируем текущее состояние информатизации в ключевых отраслях региона (здравоохранение, образование, госуправление, строительство), выявляем успехи и проблемы в развитии цифровой инфраструктуры. Особое внимание уделяется повышению качества электронных госуслуг и переходу на новые стандарты безопасности. На основе анализа предлагаются конкретные меры для ускоренного развития цифровой экономики, повышения конкурентоспособности и улучшения качества жизни. Сравнительный анализ с предыдущими исследованиями позволяет оценить потенциал роста и сформулировать рекомендации по дальнейшим шагам.

Ключевые слова: цифровая зрелость, Республика Бурятия, государственная политика, информационная инфраструктура, информационно-коммуникационные технологии, электронное правительство, эффективность государственного управления, региональная статистика, экономическое развитие, социальные услуги.

STATISTICAL ASSESSMENT OF THE DIGITAL MATURITY OF THE REPUBLIC OF BURYATIA AND JUSTIFICATION OF ITS DEVELOPMENT PRIORITIES

Ruslan V. Groshev

Student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

groshev312@gmail.com

Alexander M. Barlukov

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

barlukov88@mail.ru

Abstract. This article presents a statistical study of the digital maturity of the Republic of Buryatia. We analyze the current state of informatization in key sectors of the region (healthcare, education, public administration, construction), identify successes and challenges in the development of digital infrastructure.

Special attention is paid to improving the quality of electronic public services and the transition to new security standards. Based on the analysis, specific measures are proposed to accelerate the development of the digital economy, increase competitiveness and improve the quality of life. A comparative analysis with previous studies allows us to assess the growth potential and formulate recommendations for further steps.

Keywords: digital maturity, Republic of Buryatia, state policy, information infrastructure, information and communication technologies, e-government, public administration efficiency, regional statistics, economic development, and social services.

Реализация национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» в 2024 году привела к значительным изменениям в цифровой сфере Республики Бурятия. К примеру, наиболее активно цифровые технологии внедряются в медицине и образовании. В здравоохранении использование электронных карт и телемедицины улучшило доступность помощи для жителей отдалённых районов. В образовании более 70% учебных заведений используют дистанционные платформы и электронные материалы, что способствует повышению качества обучения.

Портал госуслуг активно развивается: число пользователей выросло на 25%, что говорит о росте доверия граждан к онлайн-формату. Электронные услуги в сферах соцобеспечения и регистрации документов стали удобнее и прозрачнее, сокращая время ожидания.

По итогам года уровень цифровой зрелости региона в ключевых отраслях (здравоохранение, образование, госуправление) достиг 83,02%, превысив плановый показатель в 78,9% [3]. Для верификации данного результата нами был проведен анализ динамики за 2022–2024 гг. (Таблица 1).

Таблица 1

Динамика показателей цифровой зрелости Республики Бурятия за 2022–2024 гг.

Показатель	2022	2023	2024	Абсолютный прирост (2024/2022)	Темп роста, %
Доля домохозяйств с ШПД, %	68,5	74,2	83,1	+14,6	121,3
Кол-во успешных кибератак (ед)	210	195	166	-44	79,0
Доля учреждений с дистанционными платформами, %	55,0	63,0	72,0	+17,0	130,9
Доля медицинских организаций с электронными картами, %	60,0	70,0	85,0	+25,0	141,7
Число пользователей портала Госуслуг (тыс. чел)	350	420	525	+175	150,0
Удовлетворенность качеством услуг (балл)	3,9	4,2	4,42	+0,52	113,3

Анализ динамики показывает устойчивый положительный тренд по всем ключевым направлениям цифровизации. Наибольший прирост демонстрируют показатели, связанные с проникновением услуг (рост пользователей Госуслуг на 50% за два года) и качественными изменениями в социальной сфере. Снижение числа успешных кибератак на 21% за период свидетельствует об эффективности внедряемых защитных механизмов.

В рамках проекта полностью переведены в электронный формат 87 массовых социально значимых услуг (62 государственных и 25 муниципальных). Они охватывают здравоохранение, образование, транспорт, строительство и городское хозяйство. Внедрение интерактив-

ных форм заявлений на портале Госуслуг и интеграция с «Социальным регистром населения» упростили получение компенсаций, справок, разрешений и выплат [3, 6].

В медицине автоматизация процессов усилилась за счёт внедрения роботизированных голосовых ассистентов. В образовании переведён в цифру контент 323 детских садов, что повысило доступность материалов для родителей и педагогов.

Развитие аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» и системы биометрической идентификации на базе 51 камеры видеонаблюдения способствовало задержанию 471 человека и раскрытию ряда преступлений. Это укрепило доверие к цифровым технологиям и повысило качество жизни [6].

Показатель удовлетворённости качеством электронных услуг составил 4,42 балла из 5, что соответствует нормативам и подтверждает положительную реакцию пользователей на внедряемые сервисы [6].

Для оценки равномерности цифрового развития по отраслям был проведен сравнительный анализ достигнутых показателей (Таблица 2).

Таблица 2.

Сравнительный анализ цифровой зрелости по отраслям Республики Бурятия в 2024 г.

Отрасль	Интегральный показатель отрасли (X_i)	Весовой коэффициент (W_i)	Вклад в общую зрелость ($X_i \cdot W_i$)	Отклонение от среднего
Здравоохранение	0,89	0,35	0,3115	+0,058
Образование	0,84	0,30	0,2520	+0,008
Государственное управление	0,78	0,25	0,1950	-0,052
Строительство и ЖКХ	0,70	0,10	0,0700	-0,132
Итоговый показатель (IDM)	-	1,00	0,8285	-

Здравоохранение является приоритетной отраслью в цифровизации, ее показатель равен 31,15%, это связано с повышением доступности и качеством медицинских услуг. Уровень цифровизации строительства и ЖКХ в Бурятии можно оценить как недостаточный, процесс развития идет медленно и сталкивается с рядом проблем.

Данное статистическое исследование позволяет перейти от констатации факта успеха к формированию точечных рекомендаций. Дальнейшее развитие инициатив должно быть направлено на выравнивание отраслевых диспропорций и углубление цифровизации в отстающих секторах, что заложит фундамент для современного цифрового общества, гарантирующего равные возможности и высокое качество услуг для всех жителей. Системная цифровизация позволит Бурятии успешно адаптироваться к вызовам времени и укрепить свои позиции в экономике и социальной сфере.

Литература

1. Минченко О.А. Формирование стратегии устойчивого развития региона в условиях цифровизации // Проблемы современной экономики. 2024. №3. С. 123–128. [1 (<https://ulan.mk.ru/social/2025/07/19/buryatiya-stala-liderom-cifrovoy-transformacii-itogi-vizita-dmitriya-grigorenko.html>)]

2. Хамаганова Н.Д. Анализ эффективности информационно-коммуникационных технологий в управлении экономическими процессами региона // Современные проблемы науки и образования. 2025. №1. С. 14-21. [2 (https://egov-buryatia.ru/press_center/news/detail.php?ID=187963)]
3. Санданов Б.Б. Методология оценки цифровой зрелости субъектов Российской Федерации // Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2025. №2. С. 56-64. [3 (<https://tvcom-tv.ru/buryatiya-dostigla-%C2%ABczifrovoj-zrelosti%C2%BB.html>)]
4. Юнусов Э.С. Инновационный потенциал цифровизации региональной экономики: региональный аспект // Научные труды Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. 2024. Т. 15, №3. С. 89–97. [4 (<https://journals.bsu.ru/content/articles/4911.pdf>)]
5. Чирипанов Е. В. Развитие инфраструктуры информационного общества в субъектах Российской Федерации // Труды Томского политехнического университета. 2025. № 2. С. 78–85. [5 (<https://zsrf.ru/directway/ravnenie-na-buratonv>)]
6. Крутиков В. Н. Перспективы и риски цифровизации регионального управления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Государственное и муниципальное управление. 2024. № 4. С. 45–52.
7. Раднаев А. Р. Особенности формирования цифровой экосистемы региона // Электронное правительство и цифровая трансформация. 2025. № 1. С. 23–30.
8. Лиджиев Ж.Г. Экономическое влияние информатизации и телекоммуникаций на развитие территорий Сибири и Дальнего Востока // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2024. № 12. С. 67–74.
9. Гомбоева О.П. Концептуальные подходы к оценке цифровой готовности региона // Регионоведение. 2025. № 1. С. 111–119.
10. Иванов П. И. Практики эффективного внедрения ИКТ в государственном управлении регионов Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2024. № 10. С. 34–41.

Статья поступила в редакцию 28.04.2026; одобрена после рецензирования 01.05.2026; принята к публикации 07.05.2026.

РАЗВИТИЕ МЕТОДИК ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ НА ОСНОВЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

© Дашиева Аюна Борисовна

обучающийся,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

ayunochka91@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема оценки экономической эффективности цифровых платформ в контексте эволюции теоретических представлений о многосторонних рынках, сетевых эффектах и платформенных экосистемах. Показано, что традиционные финансово-экономические методы, разработанные для вертикально-интегрированных предприятий индустриальной эпохи, систематически искажают оценку эффективности платформенных бизнес-моделей. На основе синтеза современной институциональной экономики, теории двусторонних рынков и концепции экосистемной ценности предложен методологический каркас многомерной оценки эффективности цифровых платформ, включающий финансовые, транзакционные, сетевые и социально-экономические метрики. Обоснованы перспективные направления операционализации предложенного каркаса с использованием методов DEA, интегральных индексов и алгоритмов трансформации временных эффектов в показатели управленческого учёта.

Ключевые слова: цифровая платформа, экономическая эффективность, двусторонние рынки, сетевые эффекты, экосистема, оценка эффективности, транзакционные издержки, метод DEA.

DEVELOPMENT OF METHODS FOR ASSESSING THE ECONOMIC EFFECTIVENESS OF DIGITAL PLATFORMS BASED ON MODERN ECONOMIC THEORY

Ayuna B. Dashieva

Student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

ayunochka91@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of assessing the economic efficiency of digital platforms in the context of the evolution of theoretical concepts about multilateral markets, network effects and platform ecosystems. Keywords: digital platform, economic efficiency, bilateral markets, network effects, ecosystem, efficiency assessment, transaction costs, DEA method. tort the assessment of the effectiveness of platform business models. Based on the synthesis of modern institutional economics, the theory of two-way markets, and the concept of ecosystem value, a methodological framework for a multidimensional assessment of the effectiveness of digital platforms is proposed, which includes financial, transactional, network, and socio-economic metrics. The paper substantiates promising directions for the operationalization of the proposed framework using DEA methods, integral indices, and algorithms for transforming temporary effects into management accounting indicators.

Keywords: digital platform, economic efficiency, bilateral markets, network effects, ecosystem, efficiency assessment, transaction costs, DEA method.

Цифровые платформы, соединяющие производителей и потребителей на глобальных многосторонних рынках, превратились в доминирующую организационную форму современной экономики. По оценкам Accenture, к 2025 г. платформенная экономика будет генерировать более 60% мирового ВВП; в Российской Федерации её вклад, по данным Ассоциации электронных коммуникаций, уже достигает 5,0–5,5% ВВП. При столь масштабном проникновении платформенных моделей в реальный сектор и сферу услуг методология оценки их экономической эффективности остаётся разрозненной и теоретически слабо обоснованной.

Традиционные аналитические инструменты — ROI, NPV, EVA, CBA — создавались для линейных производственных цепочек, где ценность продукта примерно пропорциональна объёму потреблённых ресурсов, а границы фирмы жёстко очерчены балансовыми активами. Цифровая платформа устроена иначе: её основной актив — не физический капитал, а сеть пользователей, ценность же возникает в ходе координации взаимодействий между независимыми экономическими агентами. Это фундаментальное различие заставляет переосмыслить само понятие «экономическая эффективность» применительно к платформенным структурам.

Цель настоящей статьи — систематизировать теоретические основания и актуальные методические разработки в области оценки эффективности цифровых платформ и наметить направления, в которых может формироваться целостный оценочный аппарат, отвечающий природе платформенной экономики.

Теоретический фундамент: от одностороннего рынка к экосистеме

Методологическая база для оценки платформенной эффективности опирается на три взаимосвязанных теоретических блока.

Первый блок — теория двусторонних рынков, ключевые положения которой сформулированы в работах Роше и Тироля [11] и Армстронга [5]. Она трактует платформу как посредника, интернализирующего внешние сетевые эффекты между двумя (и более) группами пользователей. Аналитическое следствие этой теории таково: структура цен на платформе не привязана к предельным издержкам обслуживания конкретной стороны, а задаётся эластичностью спроса групп и величиной перекрёстных сетевых экстерналий. Отсюда вытекает, что показатели рентабельности, рассчитанные изолированно для одной стороны рынка, дают заведомо искажённую картину общей эффективности платформы.

Второй блок — теория сетевых эффектов, восходящая к работам Рольфса [12] и Каца с Шапиро [8], а в приложении к платформам развитая Эйзенманном, Паркером и ван Альстином [6; 10]. Она фиксирует нелинейную природу создания ценности: прямые и косвенные сетевые эффекты порождают экспоненциальную зависимость совокупной полезности платформы от размера пользовательской базы, тогда как издержки масштабирования часто остаются близкими к линейным. Именно это объясняет, почему платформенные компании могут длительное время демонстрировать отрицательную бухгалтерскую прибыль, оставаясь при этом высокоэффективными с точки зрения долгосрочной экономической ценности.

Третий блок — институциональная теория транзакционных издержек, основы которой заложены Уильямсоном [13]. В приложении к платформам она акцентирует их функцию как механизмов, снижающих издержки поиска, верификации, заключения и enforcement'a контрактов. С этой позиции эффективность платформы измеряется не её собственной прибылью, а совокупной экономией транзакционных издержек, достигаемой всеми участниками экосистемы.

Синтез трёх подходов [5; 11; 13] позволяет дать рабочее определение: экономическая эффективность цифровой платформы — это её способность устойчиво генерировать, аккумулировать и распределять ценность между сторонами многостороннего рынка при минимизации совокупных транзакционных издержек и максимизации положительных сетевых эффектов.

Ограничения традиционных методик

Когда традиционный инструментарий оценки эффективности переносят на цифровые платформы, обнаруживаются три системных ограничения, делающих прямолинейные финансовые расчёты малоинформативными.

Во-первых, привычный анализ окупаемости игнорирует ценовую структуру двусторонних рынков. Платформа-агрегатор такси может взимать комиссию только с водителей, предоставляя сервис пассажирам бесплатно. При формальном подходе рентабельность пассажирского сегмента оказывается нулевой, хотя именно он генерирует спрос, без которого водительская сторона теряет смысл. Поисковые системы, социальные сети и маркетплейсы действуют аналогично — субсидируют одну сторону рынка за счёт другой. Поэтому сегментированный финансовый анализ, не учитывающий перекрёстные внешние эффекты, даёт искажённую картину [11; 7].

Во-вторых, показатели вроде ROI и NPV настроены на оценку проектов с хорошо прогнозируемыми денежными потоками и понятным горизонтом возврата инвестиций. Платформа же, как правило, проходит через длительную фазу «разгона»: отрицательная прибыль, экспоненциальный рост пользовательской базы, а затем — фаза монетизации. Оценивать эффективность платформы на ранней стадии по текущей прибыльности — значит методологически гарантировать ложноотрицательный результат [10].

В-третьих, классический анализ издержек и выгод (СВА) не улавливает экстерналии, если они не получили рыночной денежной оценки. Платформы совместного потребления создают позитивные эффекты (снижение экологической нагрузки, рост гибкой занятости) и негативные (ценовое давление на традиционные отрасли, прекаризация труда). Для регуляторных и стратегических решений игнорирование этих слоёв результативности сужает доказательную базу.

Современные методические подходы: критические точки

На преодоление названных ограничений направлен ряд разноплановых методических разработок. Их сопоставление помогает понять, в каких направлениях уже удалось продвинуться, а где сохраняется неопределённость.

Интегральный индекс эффективности (ИЕ), предложенный Поповым, Симоновой и Зыряновым [3], представляет собой мультикритериальную модель, агрегирующую показатели экономической, операционной, технической, социальной и рыночной эффективности. Весовые коэффициенты определяются методом анализа иерархий (Analytic Hierarchy Process). Сильная сторона — попытка охватить многомерную природу платформенной ценности; слабая — зависимость от субъективных экспертных оценок и процедуры нормирования весов.

Алгоритм экономической оценки на базе управленческого учёта, предложенный Косиничкиным и Геращенко [2], пересчитывает временные и операционные эффекты цифровизации в денежный эквивалент через экономию трудозатрат. Он хорошо работает для корпоративных платформ (внутренние маркетплейсы, базы знаний), но малопригоден для открытых многосторонних платформ, где основная ценность создаётся за пределами фирмы.

Метод DEA (Data Envelopment Analysis) активно используется для сравнительного анализа эффективности платформенных компаний. В систематическом обзоре, выполненном по протоколу PRISMA и охватившем 14 эмпирических исследований, показано, что DEA не требует наложения жёстких функциональных форм и позволяет одновременно учитывать множество входных и выходных параметров [9]. Вместе с тем применение DEA к двусторонним рынкам упирается в проблему подбора входных и выходных переменных, адекватно отражающих сетевые эффекты; убедительного общепринятого решения этой задачи пока не предложено.

Отраслевой вариант — методика оценки региональных цифровых платформ в АПК [1] — оперирует четырьмя группами метрик: техническая надёжность, экономическая эффективность, социальный эффект и вовлечённость пользователей. Её преимущество — привязка к отраслевой специфике и практическая ориентированность; ограничение — слабая универсальность при переносе на другие сектора.

Институциональная линия закреплена в российском «пятом антимонопольном пакете» [4]. Закон легализует понятие сетевых эффектов в правовом поле, что создаёт предпосылки для нормативно закреплённых методик оценки рыночной силы платформ через их сетевую архитектуру.

К контурам целостного методологического каркаса

Обобщение теоретических оснований и критический разбор существующих подходов позволяют наметить очертания каркаса, в котором оценка экономической эффективности цифровой платформы ведётся по четырём взаимосвязанным плоскостям.

1. Финансово-экономическая плоскость. Традиционные индикаторы (выручка, EBITDA, чистая прибыль, свободный денежный поток) не отменяются, но анализируются в динамике и дифференцированно по сторонам рынка. Принципиальным дополнением служат цифровые метрики: ARPU, CAC, LTV, коэффициент удержания (retention rate), соотношение LTV/CAC. Для маркетплейсов критичны GMV, take rate и конверсия.

2. Транзакционная плоскость. Здесь измеряется способность платформы снижать транзакционные издержки: среднее время от запроса до сделки, доля успешных транзакций (match rate), издержки поиска и верификации контрагента, уровень доверия (рейтинговые системы), частота повторных взаимодействий. Эти метрики отражают вклад платформы в повышение рыночной ликвидности.

3. Сетевая плоскость. Фиксируются сетевые эффекты и архитектура связей: размер и темпы роста пользовательской базы с каждой стороны, интенсивность взаимодействий, сила перекрёстных сетевых эффектов, показатели виральности (коэффициент органического привлечения). Особое значение имеет момент достижения критической массы, после которого сетевые эффекты становятся самоподдерживающимися.

4. Социально-экономическая плоскость. Оцениваются экстерналии — влияние платформы на занятость, доходы домохозяйств, конкуренцию в смежных отраслях, экологический след. Методически эта плоскость проработана слабее остальных и требует гибридных решений, соединяющих количественные и качественные методы.

Предложенный каркас — не готовая инструкция, а система координат, позволяющая конструировать оценочные методики под конкретные типы платформ (транзакционные, инновационные, интегрированные, инвестиционные) и под разные цели — будь то внутренний управленческий анализ, инвестиционное решение или задачи государственного регулирования.

Перспективные направления исследований

Дальнейшее развитие методик оценки эффективности цифровых платформ связывается с несколькими исследовательскими приоритетами.

Во-первых, необходима операционализация предложенного каркаса в конкретных алгоритмах и программных инструментах. Особого внимания заслуживает адаптация метода DEA для сравнительного анализа платформ с включением в модель переменных, отражающих перекрёстные сетевые эффекты.

Во-вторых, стоит задача построения методологии оценки эффективности на разных стадиях жизненного цикла платформы. Индикаторы, уместные для стартапа в фазе разгона, непригодны для зрелой экосистемы, и наоборот. Перспективным здесь выглядит использование динамического DEA и модифицированных моделей дисконтированных денежных потоков, учитывающих опциональность сетевых эффектов.

В-третьих, нарастает потребность в стандартизации методик для целей антимонопольного регулирования, налогообложения и статистического учёта платформенной экономики. Российский опыт пятого антимонопольного пакета [4] показывает готовность государства к диалогу с экономической наукой в этой сфере.

Наконец, необходимо углубление теоретического осмысления феномена платформенных экосистем в категориях современной экономической теории — в частности, развитие концепции экосистемной ренты как особой формы экономической ренты, присваиваемой платформой-оркестратором.

Заключение

Цифровые платформы представляют собой не просто новую бизнес-модель, а принципиально иной способ организации экономической деятельности, основанный на координации децентрализованных агентов через цифровую инфраструктуру. Адекватная оценка их экономической эффективности возможна лишь на фундаменте синтеза современной теории двусторонних рынков, теории сетевых эффектов и институциональной теории транзакционных издержек.

Предложенный четырёхмерный методологический каркас (финансово-экономическая, транзакционная, сетевая и социально-экономическая плоскости) призван стать основой для разработки нового поколения оценочных методик, способных уловить многомерную природу ценности, создаваемой платформами. Дальнейшая работа в этом направлении обещает не только продвинуть академический дискурс, но и снабдить практиков — предпринимателей, инвесторов, регуляторов — инструментами принятия обоснованных решений в условиях платформенной трансформации экономики.

Литература

1. Иванов И.И. Методика оценки эффективности региональных цифровых платформ в АПК // АПК: экономика, управление. 2021. № 5. С. 42–51.
2. Косиничкин М.П., Геращенко Л.А. Экономическая оценка цифровизации бизнес-процессов на основе управленческого учёта // Управленческий учёт. 2023. № 2. С. 50–61.
3. Попов Е.В., Симонова В.Л., Зырянов А.С. Интегральный индекс эффективности цифровых платформ // Экономика региона. 2022. Т. 18, № 3. С. 700–715.
4. Федеральный закон от 01.05.2022 № 135-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции”» (пятый антимонопольный пакет).
5. Armstrong M. Competition in two-sided markets // RAND Journal of Economics. 2006. Vol. 37, No. 3. P. 668–691.

6. Eisenmann T., Parker G., Van Alstyne M.W. Strategies for two-sided markets // Harvard Business Review. 2006. Vol. 84, No. 10. P. 92–101.
7. Evans D.S., Schmalensee R. The industrial organization of markets with two-sided platforms // Competition Policy International. 2007. Vol. 3, No. 1. P. 151–179.
8. Katz M.L., Shapiro C. Network externalities, competition, and compatibility // American Economic Review. 1985. Vol. 75, No. 3. P. 424–440.
9. Li X., Zhang Y., Kumar S. Assessing platform efficiency using data envelopment analysis: A systematic review // Electronic Commerce Research and Applications. 2022. Vol. 55. Article 101190.
10. Parker G., Van Alstyne M., Choudary S. Platform Revolution. New York: W.W. Norton & Co, 2016.
11. Rochet J.-C., Tirole J. Platform competition in two-sided markets // Journal of the European Economic Association. 2003. Vol. 1, No. 4. P. 990–1029.
12. Rohlfs J. A theory of interdependent demand for a communications service // Bell Journal of Economics. 1974. Vol. 5, No. 1. P. 16–37.
13. Williamson O.E. The Economic Institutions of Capitalism. New York: Free Press, 1985.

Статья поступила в редакцию 28.05.2026; одобрена после рецензирования 01.06.2026; принята к публикации 08.06.2026.

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ В НАЛОГОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ

© Занаева Александра Жаргаловна

Обучающийся,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

asya.budaeva.00@mail.ru

Аннотация. Внедрение цифрового рубля как третьей формы национальной валюты формирует новую правовую и экономическую реальность. Статья посвящена комплексному анализу интеграции цифрового рубля в налоговое законодательство Российской Федерации, вступившей в активную фазу с 2024–2025 годов. Рассматриваются ключевые нововведения, включая установление налогового статуса счета цифрового рубля, особенности определения момента признания доходов и расходов, а также расширение контрольных полномочий Федеральной налоговой службы. Делается вывод о том, что законодательные изменения направлены на обеспечение налогового контроля за новой формой денег, сохраняя при этом общие принципы налогообложения, что создает основу для дальнейшей цифровизации финансовой системы.

Ключевые слова: Цифровой рубль, эмиссия, Центральный банк России, законодательство, Налоговый кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ, платежное средство, фискальное администрирование, идентификация пользователей, цифровые кошельки, противодействие отмыванию денег, информационная безопасность, кибербезопасность, налоговый учет, контрольные функции ФНС, бесспорное списание задолженности, приостановление операций, правовая определенность, финансовые операции, электронные денежные средства.

DIGITAL RUBLE IN THE RUSSIAN FEDERATION'S TAX LEGISLATION

Alexandra Zh. Zanaeva

Student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

asya.budaeva.00@mail.ru

Abstract. The introduction of the digital ruble as a third form of national currency is creating a new legal and economic reality. This article provides a comprehensive analysis of the integration of the digital ruble into the tax legislation of the Russian Federation, which has entered an active phase since 2024-2025. It examines key innovations, including the establishment of the tax status of the digital ruble account, the specifics of determining the moment of recognition of income and expenses, and the expansion of the Federal Tax Service's control powers. It is concluded that the legislative changes are aimed at ensuring tax control over the new form of money while maintaining the general principles of taxation, which creates a basis for further digitalization of the financial system.

Keywords: Digital ruble, emission, Central Bank of Russia, legislation, Tax Code of the Russian Federation, Civil Code of the Russian Federation, means of payment, fiscal administration, user identification, digital wallets, anti-money laundering, information security, cybersecurity, tax accounting, control functions of the Federal Tax Service, unconditional debt write-off, suspension of operations, legal certainty, financial transactions, and electronic funds.

Статья 75 Конституции РФ и ст. 140 Гражданского кодекса РФ прямо устанавливают, что рубль является законным платёжным средством, обязательным к приёму по нарицательной стоимости на всей территории России. При этом согласно ст. 128 ГК РФ, денежные средства выступают одним из видов объектов имущественных прав. Появление цифровой формы российской национальной валюты получило своё логическое продолжение в корпусе норм федеральных законов от 24.07.2023 № 339-ФЗ и № 340-ФЗ, которые определили правовые основы внедрения цифрового рубля в гражданский и финансовый обороты

Цифровая валюта Центрального банка России (CBDC), известная как цифровой рубль, официально запущена Центробанком РФ в пилотном режиме в феврале 2023 года. Цифровой рубль — это цифровая форма российской национальной валюты, которую выпускает Банк России. [10, с. 18]

Практикующие юристы высказывают опасения по поводу налогообложения операций с цифровыми активами, такими как цифровой рубль. Основная проблема заключается в необходимости корректировки текущего налогового законодательства, поскольку операции с цифровыми деньгами пока формально не включены в налоговый учет.

В пилотном проекте, который был запущен в августе 2023 года, участвуют более 20 российских банков. К ноябрю 2025 года участниками было проведено свыше 90 000 тестовых транзакций в цифровых рублях. При этом массовое внедрение для всех граждан и бизнеса было перенесено с июля 2025 года на 1 сентября 2026 года. [13]

С 1 января 2024 года в НК РФ введено понятие «счёт цифрового рубля» — счёта, открываемого оператором платформы (Банком России) на основании специального договора, что закрепило за цифровым рублём статус, сопоставимый с безналичными денежными средствами, для целей налогового права.

С 1 июля 2025 года для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей с оборотом свыше 30 млн рублей в год ввелась обязанность принимать цифровой рубль к оплате наравне с наличными и безналичными средствами. Полномасштабное подключение кредитных организаций и крупнейших участников рынка запланировано на 1 сентября 2026 года. Параллельно вводится универсальный платёжный QR-код, который станет стандартом для расчётов цифровым рублём в пользу бизнеса и самозанятых

Если рассматривать цифровой рубль как новый объект налогового права, то с юридической точки зрения цифровой рубль — это обязательство Банка России, выраженное в форме уникального цифрового кода, хранящегося в специальном электронном кошельке. Его ключевые для налогового права характеристики:

- Полная прозрачность всех операций для Банка России как оператора платформы.
- Программируемость, позволяющая теоретически внедрять «смарт-контракты» для автоматического расчёта и удержания налогов.
- Мгновенность расчетов, сокращающая временной лаг между моментом возникновения объекта налогообложения и его отражением в учете. [4]

Основой правового статуса цифрового рубля стали изменения в Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (№ 86-ФЗ) [8]. В соответствии с поправками, принятыми в 2023 году, Банк России получил исключительное право на эмиссию цифрового рубля как новой формы национальной валюты. Законодатель особо подчеркивает, что цифровой рубль является обязательством Банка России и обладает статусом законного платежного средства на всей территории Российской Федерации [9].

Гражданско-правовой статус цифрового рубля закреплен в изменениях в Гражданский кодекс РФ. В частности, статья 140 ГК РФ была дополнена положением о том, что цифровой рубль признается одним из законных способов исполнения денежных обязательств [3]. Это создает правовую определенность в вопросах использования цифрового рубля в гражданском обороте.

Основным нормативным актом, внесшим изменения в налоговое законодательство, является Федеральный закон от 19.12.2023 № 610-ФЗ, положения которого в основном вступили в силу с 1 января 2025 года.

Приоритетом регулирования — идентификация пользователей цифровых кошельков. Банк России разработал специальные правила, согласующиеся с требованием Федерального закона № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Данные правила обеспечивают надежную проверку личности владельца кошелька, препятствуют отмыванию денег и террористическому финансированию.

При этом законодатели приняли дифференцированный подход к идентификации клиентов в зависимости от размера проводимых финансовых операций. Это значит, что клиенты с небольшими операциями проходят упрощённую процедуру верификации, в то время как владельцы крупных счетов обязаны проходить полную проверку.

Технические вопросы эмиссии и обращения цифрового рубля определены целым набором нормативных актов. Важнейший элемент регулирования — требование Банка России к информационной безопасности цифровой платформы, утвержденное специальным положением. Оно основано на принципах Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» и Федерального закона № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

Требования к информационной безопасности направлены на защиту конфиденциальности данных пользователей, предотвращение несанкционированного доступа и взломов. Банковская инфраструктура, обслуживающая цифровой рубль, обязана придерживаться строгих стандартов кибербезопасности, регулярно проходить тестирования и аудиты.

Изменения в НК РФ устанавливают специальные правила, в целом унифицирующие налоговый учёт операций с цифровыми рублями с операциями по банковским счетам, но с некоторыми особенностями.

Интеграция цифрового рубля в налоговое законодательство сопровождается значительным усилением контрольных функций ФНС.

Взыскание недоимки. С 2024 года налоговые органы получили право на бесспорное списание задолженности за счёт цифровых рублей. Важно: это применяется только при отсутствии или недостаточности денежных средств на всех банковских счетах, а также электронных денежных средств.

Приостановление операций. С 1 января 2025 года ФНС может приостанавливать операции по счетам цифрового рубля в том же порядке, что и по банковским счетам.

Доступ к информации. Налоговые органы наделены правом запрашивать у оператора платформы (Банка России) и банков-участников сведения об открытии счетов, остатках и движении цифровых рублей, создаёт основу для сквозного налогового мониторинга.

Контроль в рамках ПОД/ФТ: С 1 июля 2025 года операции с цифровым рублём подпадают под действие законодательства о противодействии легализации доходов (115-ФЗ). Переводы на сумму от 1 млн рублей подлежат обязательному контролю, что предоставляет ФНС дополнительный источник данных.

Внедрение цифрового рубля в налоговое законодательство РФ представляет собой последовательный процесс, направленный на легализацию нового платёжного инструмента в рамках существующей фискальной системы. Законодатель, с одной стороны, обеспечивает налоговые органы эффективными инструментами контроля (взыскание, приостановление операций, доступ к данным), а с другой — стимулирует использование цифрового рубля через льготный режим НДС и унификацию правил учёта.

По мнению доктора юридических наук, профессора Константина Гаврилова, разработка полноценной регуляторной базы позволит снизить риски мошеннических схем и облегчить администрирование налога. Основными угрозами функционирования цифрового рубля видится следующее:

1. Для граждан: повышение контроля со стороны государства всех финансовых операций населения.
2. Для бизнеса: снижение ликвидности коммерческих банков; уход с рынков малых банковских структур и возникновение острой конкуренции коммерческих банков и Центрального банка.
3. Для государства возникает риск разрушения сформировавшейся двухуровневой банковской системы.
4. Финансовый сектор может столкнуться с проблемой слабого развития цифровой инфраструктуры в отдельных регионах, а также низкого уровня финансовой грамотности населения, что может стать помехой для эффективного внедрения цифрового рубля. Кроме того, возможно увеличение количества киберпреступности, связанной с цифровыми технологиями.

Для целей обложения НДФЛ законодатель установил единый подход: при получении гражданином дохода в цифровых рублях датой фактического получения такого дохода также признаётся день его зачисления на соответствующий счёт цифрового рубля.

Новелла налогового законодательства стало прямое указание на возможность взыскания задолженности за счёт цифровых рублей. Действующая редакция НК РФ (п. 10.1 ст. 46) предоставляет налоговому органу право производить взыскание за счёт цифровых рублей в случае недостаточности или отсутствия денежных средств на иных счетах налогоплательщика-организации либо индивидуального предпринимателя. При этом:

- Деньги со счёта цифрового рубля взыскиваются в первой очереди наряду с деньгами на расчётных счетах.
- Операции по счёту цифрового рубля могут быть приостановлены налоговым органом до момента подтверждения факта погашения задолженности (в порядке, аналогичном блокировке обычных банковских счетов).
- Определена и обязанность оператора платформы сообщать налоговым органам об открытии (закрытии) счёта цифрового рубля любого пользователя (как организации, так и физического лица). Эта информация позволяет налоговой службе своевременно получать сведения о доходах, расходах и общем финансовом положении подконтрольных лиц. В сфере исполнительного производства (ФЗ № 229-ФЗ) с января 2025 года прямо закреплена возможность обращения взыскания на цифровые рубли должника, то есть счёт цифрового рубля становится ещё одним ликвидным активом, который может быть подвергнут принудительному взысканию.

Нормативная база постоянно совершенствуется. В апреле 2026 года Кабинет министров одобрил масштабные поправки в Налоговый кодекс, цель которых — комплексное регулиро-

вание цифровых валют и цифровых прав. Новеллы 2026 года затронули четыре крупных направления: НДС, НДФЛ для физических лиц, особый налоговый режим для биржевых цифровых финансовых активов (ЦФА) и налог на корпоративную прибыль.

С 1 января 2026 года платежи в бюджет цифровыми рублями осуществляются без комиссии, что дополнительно стимулирует использование этой формы денег в публичных правоотношениях.

Основными вызовами на ближайшую перспективу станут техническая и организационная готовность всех участников (ФНС, Банка России, коммерческих банков, бизнеса), а также выработка судебной практики по спорным вопросам, связанным с новыми полномочиями налоговых органов.

Литература

1. Банк России. Цифровой рубль: текущий статус проекта (по состоянию на 30.06.2025). URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/177415/digital_ruble_30062025.pdf (дата обращения: 30.07.2025).
2. Все о цифровом рубле. Вопросы и ответы. URL: <https://www.rbc.ru/finances/26/07/2023/64bfc7e-99a794772b7295101> (дата обращения: 10.07.2025).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 26.08.2025).
4. Долгиева М. М., Долгиев М. М. Правовой режим международных санкций и цифровой рубль // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 3. С. 59–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-mezhdunarodnyh-sanktsiy-i-tsifrovoy-rubl> (дата обращения: 22.08.2025).
5. Концепция цифрового рубля / Центральный банк Российской Федерации. Офиц. сайт. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 10.07.2025).
6. Положение Банка России от 7 декабря 2023 г. № 833-П «О требованиях к обеспечению защиты информации для участников платформы цифрового рубля». URL: <https://cbr.ru/StaticHtml/File/41186/230728-56-1.pdf> (дата обращения: 22.08.2025).
7. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (в ред. на 24 июня 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 26.08.2025).
8. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 28. Ст. 2790.
9. Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 30 (ч. I). Ст. 5564.
10. Ashfaq M., Hasan R., Mercon J. Central Bank Digital Currencies and the Global Financial System. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2023. P. 49–102.
11. Федеральный закон "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах" от 19.12.2023 N 610-ФЗ (последняя редакция)
12. Информационные материалы и аналитические обзоры ФНС России и Банка России по вопросам применения цифрового рубля (2024–2025 гг.).
13. Исследование: россияне хотят оплачивать цифровым рублем налоги и пошлины // Национальный банковский журнал. 2025. 8 окт. URL: https://nbj.ru/pubs/issledovanie_rossiyane_kho-tyat_oplachivat_/70661

Статья поступила в редакцию 14.05.2026; одобрена после рецензирования 18.05.2026; принята к публикации 25.05.2026.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА САМОЗАНЯТОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ

© Колесникова Анастасия Николаевна

обучающийся,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

Cher.lrina-20@yandex.ru

© Брыкова Светлана Сергеевна

старший преподаватель кафедры ЭТГМУ

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

s8yckova@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния института самозанятости в Республике Бурятия. Рассматривается нормативно-правовая база, регулирующая применение налога на профессиональный доход, динамика численности самозанятых граждан за период 2020–2025 годов, отраслевая и территориальная структура занятости. Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки эффективности данного института в условиях специфики регионального рынка труда, характеризующегося значительной долей неформальной занятости и выраженной пространственной асимметрией. Установлено, что за пять лет число самозанятых в регионе возросло более чем в семнадцать раз, а налоговые поступления от данного режима увеличились в одиннадцать раз. Выявлены ключевые проблемы: территориальная диспропорция, отраслевая узость, природоохранные ограничения Байкальской природной территории. Предложены направления совершенствования региональной политики поддержки самозанятых граждан.

Ключевые слова: самозанятость, налог на профессиональный доход, рынок труда, Республика Бурятия, неформальная занятость, государственная поддержка, институт самозанятости.

CURRENT STATE OF DEVELOPMENT OF THE SELF-EMPLOYMENT INSTITUTION IN THE REPUBLIC OF BURYATIA

Anastasia N. Kolesnikova

Student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

Cher.lrina-20@yandex.ru

Svetlana S. Brykova

Senior Lecturer of the Department of ETSMU

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

s8yckova@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the current state of the self-employment institution in the Republic of Buryatia. The regulatory framework governing the professional income tax is examined, along with the dy-

namics of self-employed citizens for 2020–2025, sectoral and territorial employment structure. The relevance of the study is determined by the need to assess the effectiveness of this institution in the context of the regional labor market specifics, characterized by a significant share of informal employment and pronounced spatial asymmetry. It is established that over five years the number of self-employed in the region increased more than seventeen times, while tax revenues from this regime grew eleven times. Key problems are identified: territorial disproportion, sectoral narrowness, environmental restrictions of the Baikal natural territory. Directions for improving regional policy to support self-employed citizens are proposed.

Keywords: self-employment, professional income tax, labor market, Republic of Buryatia, informal employment, state support, self-employment institution.

Трансформация российского рынка труда в последнее десятилетие сопровождается устойчивым ростом нестандартных форм занятости. Самозанятость как особый институциональный формат привлекает внимание исследователей и практиков прежде всего потому, что позволяет одновременно решать несколько социально-экономических задач: легализовать неформальную трудовую деятельность, обеспечить гражданам доступный вход в предпринимательство без административной нагрузки и сформировать дополнительные налоговые поступления в региональные бюджеты. В научной литературе неформальная занятость традиционно рассматривается как проявление институциональной слабости рынка труда, а ее легализация — как одна из приоритетных задач государственной политики [2, с. 8]. Введение специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» стало попыткой перевести значительную часть теневого сектора в легальное поле через снижение транзакционных издержек регистрации и минимизацию фискальной нагрузки.

Для Республики Бурятия обозначенные вопросы приобретают особую остроту. Регион характеризуется рядом специфических факторов, существенно влияющих на конфигурацию рынка труда: значительной долей сельского населения с традиционно высоким уровнем неформальной занятости, природоохранными ограничениями Байкальской природной территории, сдерживающими развитие ряда отраслей, а также периферийным положением в составе Дальневосточного федерального округа [1, с. 126]. В подобных условиях институт самозанятости может выступать не только инструментом налоговой политики, но и механизмом поддержания экономической активности населения в отсутствие достаточного числа формальных рабочих мест. С 2020 по 2024 год число самозанятых в республике возросло с 3 до 47 тыс. человек [5], что наглядно демонстрирует высокую востребованность нового режима. Цель настоящей статьи — оценить текущее состояние, отраслевую структуру и ключевые проблемы развития института самозанятости в Республике Бурятия, а также сформулировать практические рекомендации для региональных органов власти.

Правовой основой института самозанятости в России служит Федеральный закон от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"», действие которого изначально распространялось на четыре пилотных региона, а впоследствии было расширено на всю территорию страны. Режим предусматривает налоговую ставку 4% при получении дохода от физических лиц и 6% — от юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Годовой лимит дохода установлен на уровне 2,4 млн рублей; превышение данного порога влечет утрату статуса самозанятого. Принципиально важными конкурентными преимуществами режима являются отсутствие обязательной налоговой отчетности, освобождение от уплаты страховых взносов, а также предоставление единовременного налогового вычета в размере

10 тыс. рублей при первичной регистрации. Регистрация осуществляется дистанционно через мобильное приложение «Мой налог», что существенно снижает административные барьеры входа.

Республика Бурятия присоединилась к эксперименту в мае 2020 года на основании Закона Республики Бурятия от 12 мая 2020 года № 929-VI, войдя в число регионов второй волны расширения режима — позже большинства субъектов Российской Федерации. Данное обстоятельство необходимо учитывать при сравнительном анализе: более поздний старт обусловил эффект низкой базы и, как следствие, визуально высокие темпы прироста в первые годы работы. В числе значимых изменений 2025 года следует выделить запрет применения налога на профессиональный доход к доходам от операций с криптовалютой, расширение перечня доступных налоговых режимов для лиц, утративших статус самозанятого, а также автоматизацию статистической отчетности: сбор данных о самозанятых осуществляется теперь через Федеральную налоговую службу без участия налогоплательщиков [2, с. 10]. Последнее нововведение, с одной стороны, снижает административную нагрузку, а с другой — создает условия для более полного мониторинга реальной активности самозанятых в региональном разрезе. Созданные правовые условия сформировали устойчивые стимулы для количественного роста числа самозанятых в регионе.

Количественная динамика института самозанятости в Республике Бурятия за период 2020–2025 годов демонстрирует устойчивый и значительный рост (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности самозанятых и налоговых поступлений
в Республике Бурятия, 2020–2025 гг.

Период	Численность самозанятых, тыс. чел.	Поступления НПД в бюджет
2020 (вход в НПД)	3,0	—
Август 2021	7,2	8,4 млн руб. (за год)
2022	~28,0	—
01.09.2024	46,5	95,9 млн руб. (янв.–авг.)
Конец 2024	~47,0	—
Середина 2025	~56,0	—

Как следует из приведенных данных, за пять лет численность самозанятых в республике увеличилась более чем в семнадцать раз — с 3,0 тыс. человек в момент вхождения в режим до порядка 56 тыс. человек к середине 2025 года. Наиболее интенсивный прирост наблюдался в 2021–2022 годах: за один только 2022 год число зарегистрированных самозанятых выросло примерно на 20 тыс. человек, что отражает как эффект накопленного спроса, так и активизацию информационной работы региональных органов власти. По состоянию на 1 сентября 2024 года в республике насчитывалось более 46,5 тыс. самозанятых — в 1,5 раза больше, чем в аналогичном периоде 2023 года [4]. Фискальный эффект режима также демонстрирует выраженную положительную динамику: налоговые поступления от самозанятых за восемь месяцев 2024 года составили 95,9 млн рублей, превысив показатель аналогичного периода 2023 года на 45,4 млн рублей [4]. Для сравнения: в 2021 году годовые поступления составляли лишь 8,4 млн рублей — таким образом, за три года фискальный эффект режима вырос более чем в одиннадцать раз. Среднедушевой доход самозанятого в республике также демонстрирует положительную динамику: если в первом полугодии 2021 года он составлял около 45 тыс. рублей на одного зарегистрированного, то к 2024–2025 годам данный показа-

тель существенно вырос вслед за общероссийской тенденцией к увеличению среднего размера сделки [3, с. 36].

Отраслевая структура самозанятости в Республике Бурятия отличается выраженной концентрацией в сфере потребительских услуг (рис. 1). По данным Министерства промышленности и торговли Республики Бурятия, среди граждан, добровольно указавших вид деятельности при регистрации, лидируют косметические и парикмахерские услуги, маркетинг и реклама, строительство и ремонт, автомобильные перевозки, а также торговля товарами собственного производства. Важно подчеркнуть, что указание вида деятельности при регистрации носит добровольный характер, в связи с чем приведенные данные отражают лишь часть общей картины. Среди регионально значимых ниш выделяются репетиторство, аренда жилья — в первую очередь в контексте туристического потока на Байкал, а также этнокультурные ремесла, органично вписывающиеся в концепцию развития туристической отрасли республики. Перечисленные виды деятельности объединяет одна характерная черта: они не требуют значительного стартового капитала и могут осуществляться в индивидуальном формате, что соответствует самой природе института самозанятости.

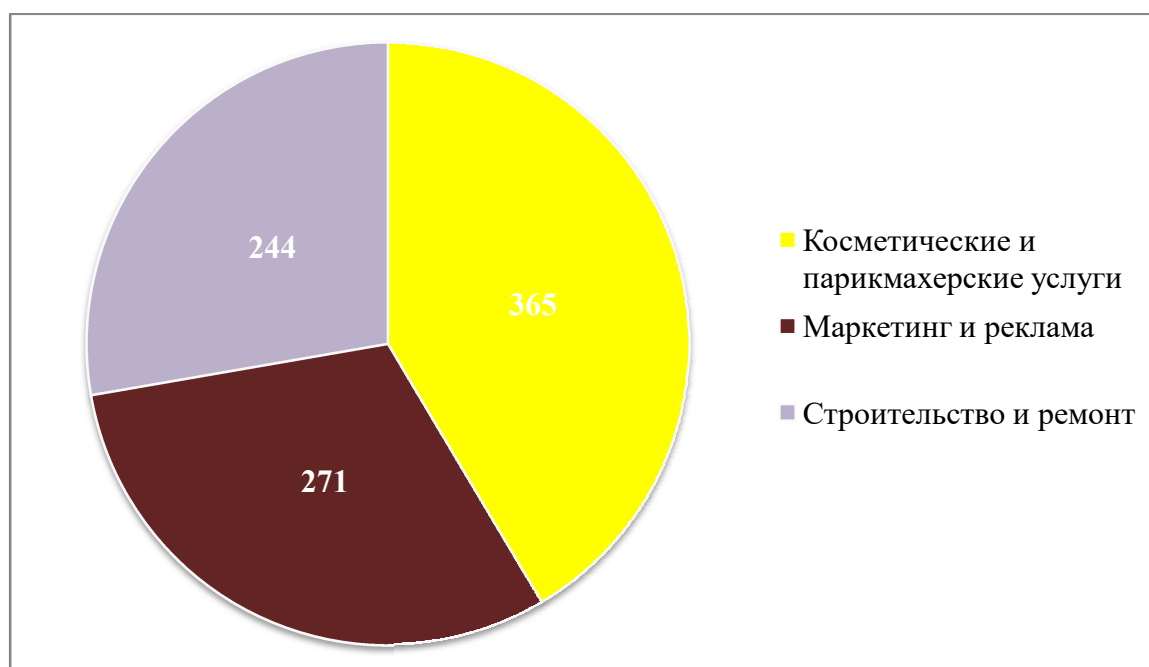

Рис. 1. Виды деятельности самозанятых в Республике Бурятия

Принципиальной структурной проблемой остается территориальная диспропорция: подавляющее большинство самозанятых сосредоточено в Улан-Удэ, тогда как сельские районы республики охвачены режимом НПД крайне слабо. Между тем именно сельские территории характеризуются наиболее острой ситуацией с занятостью населения и наибольшим потенциалом легализации неформального труда [1, с. 130]. Данная проблема неоднократно поднималась на уровне Народного Хурала Республики Бурятия: депутаты указывали на необходимость активизации работы с жителями сельской местности и усиления методической поддержки на уровне районов [4]. Таким образом, нынешняя география самозанятости в республике воспроизводит общую пространственную асимметрию регионального рынка труда, а не сглаживает ее.

Система государственной поддержки самозанятых в Республике Бурятия формируется на двух уровнях — федеральном и региональном. На федеральном уровне самозанятые вправе претендовать на социальный контракт — целевую субсидию на открытие собственного дела, льготное кредитование по государственным программам, а также налоговый вычет при регистрации. На региональном уровне действуют микрозаймы до 500 тыс. рублей через Гарантийный фонд Бурятии, доступны услуги Центра «Мой бизнес» — включая обучение, помощь в выходе на маркетплейсы, проведение предметной фотосъемки для создания контента, а также поддержку в рамках программы «Мама-предприниматель», ориентированной на женщин с несовершеннолетними детьми. Программная составляющая поддержки реализуется в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Показательна масштабная плановая активность на ближайшую перспективу: на 2025 год запланировано заключение 905 социальных контрактов по осуществлению индивидуальной предпринимательской деятельности на общую сумму 300,5 млн рублей [5], что свидетельствует о системном характере региональной политики поддержки самозанятых.

Вместе с тем развитие института самозанятости в республике сопряжено с рядом системных проблем, ограничивающих его потенциал. Во-первых, сохраняется выраженный территориальный барьер. В сельской местности Бурятии исторически складывается наиболее острая ситуация с занятостью ввиду низкого числа постоянных рабочих мест и ограниченного присутствия работодателей [1, с. 133]. При этом регистрация в качестве самозанятого требует наличия смартфона и стабильного доступа к интернету — условий, которые в удаленных районах республики до сих пор не являются само собой разумеющимися. Цифровой разрыв тем самым превращается в институциональный барьер, воспроизводящий пространственное неравенство на рынке труда.

Во-вторых, установленный лимит дохода в размере 2,4 млн рублей в год фактически ограничивает возможности масштабирования деятельности и снижает долгосрочную привлекательность режима для тех, кто стремится к развитию бизнеса. Достигший порогового значения самозанятый оказывается перед выбором: переходить на иной, значительно более обременительный налоговый режим или искусственно сдерживать рост. Ни тот, ни другой сценарий не отвечает интересам региональной экономики.

В-третьих, природоохранные ограничения Байкальской природной территории де-факто исключают ряд потенциально востребованных видов деятельности, в которых самозанятые могли бы органично занять рыночную нишу, — в частности, отдельные направления рыболовства и туристического сервиса без соответствующего лицензирования. В условиях, когда туризм является одним из стратегических приоритетов развития республики, подобное противоречие между природоохранным регулированием и логикой развития самозанятости требует отдельного внимания со стороны региональных органов власти.

В-четвертых, сохраняется риск формальной регистрации без реальной устойчивой деятельности. Исторический опыт субсидирования занятости в регионе свидетельствует о том, что часть получателей государственной поддержки прекращает деятельность сразу после истечения обязательного периода, что фактически превращает поддержку в разовую выплату, а не в инструмент долгосрочного развития [4]. Преодоление данной проблемы требует не столько ужесточения контроля, сколько выстраивания полноценного сопровождения самозанятых на протяжении первых лет деятельности.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы. Институт самозанятости в Республике Бурятия за пять лет прошел путь от точечного эксперимента до массово-

го явления: численность участников режима НПД превысила 56 тыс. человек, фискальный эффект вырос более чем в одиннадцать раз, а режим прочно вошел в повседневную практику экономически активного населения республики. Вместе с тем количественный рост сопровождается структурными дисбалансами: территориальной концентрацией в городской среде, отраслевой узостью и недостаточным охватом сельских территорий, где потребность в альтернативных формах занятости наиболее высока.

В целях устранения выявленных ограничений и повышения эффективности института самозанятости как инструмента региональной политики занятости представляется целесообразным реализовать следующие меры. Первое — организация мобильных консультационных пунктов по регистрации самозанятых в сельских районах республики с привлечением специалистов центров «Мой бизнес». Второе — формирование тематических кластеров самозанятых, ориентированных на байкальский экотуризм и этнокультурное производство, что позволит задействовать уникальные конкурентные преимущества региона. Третье — включение показателей охвата сельского населения режимом НПД в систему ключевых показателей эффективности муниципальных образований республики, что создаст административный стимул для работы на местах. Последовательная реализация данных мер позволит трансформировать институт самозанятости из преимущественно городского явления в полноценный инструмент сбалансированного развития регионального рынка труда.

Литература

1. Бюраева, Ю. Г. Занятость и рынок труда республики Бурятия: динамика, структура, дисбаланс / Ю. Г. Бюраева // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2023. № 4. С. 125–142. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=59495645> (дата обращения 21.05.2026).
2. Нуреев, Р. М. Неформальная Занятость в России: новые тенденции развития в XXI веке / Р. М. Нуреев, Д. Р. Ахмадеев // Journal of Economic Regulation. 2019. Т. 10, № 3. С. 6–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41247937> (дата обращения: 21.05.2026).
3. Одинцова, Е. В. Легализация неформальной занятости в России: основные итоги и нерешенные проблемы / Е. В. Одинцова // Уровень жизни населения регионов России. — 2020. Т. 16, № 1. С. 33–42. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=42785644> (дата обращения 21.05.2026).
4. Республика Бурятия // Официальный портал. В Бурятии растет количество самозанятых. URL: https://egov-buryatia.ru/minec/press_center/news/detail.php?ID=183199 (дата обращения: 21.05.2026).
5. Республика Бурятия // Официальный портал. Число зарегистрированных самозанятых граждан в Республике Бурятия достигло 56 тыс. человек. URL: <https://egov-buryatia.ru/fns-news/detail.php?ID=192875> (дата обращения: 21.05.2026).

Статья поступила в редакцию 27.05.2026; одобрена после рецензирования 29.05.2026; принята к публикации 05.06.2026.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННОГО ОТТОКА НАСЕЛЕНИЯ

© Колмакова Дарья Дмитриевна

Обучающийся,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

kdara9635@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется депопуляция сельских территорий, вызванная устойчивым миграционным оттоком населения, и анализируются подходы к стратегическому управлению их развитием в этих условиях. На основе официальных статистических данных и научных публикаций автор рассматривает миграцию не только как вызов, но и как потенциальный фактор трансформации, требующий переосмысления традиционных парадигм. Систематизированы ключевые факторы оттока, проанализированы современные теоретические концепции. На основе сравнительного анализа успешных международных и отечественных практик предложена адаптивная модель стратегического управления, сочетающая пространственное планирование, экономическую диверсификацию, социальный инжиниринг и цифровизацию. Делается вывод о необходимости перехода от политики «удержания» населения к созданию условий для качественной жизни и новых форм резидентства (удаленная занятость, экопоселенчество).

Ключевые слова: сельские территории, стратегическое управление, миграционный отток, депопуляция, устойчивое развитие, пространственное развитие, миграция.

STRATEGIC MANAGEMENT OF RURAL TERRITORIES DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF POPULATION MIGRATION OUTFLOW

Daria D. Kolmakova

Student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

kdara9635@yandex.ru

Abstract. The article examines the depopulation of rural areas caused by sustained migration outflows and analyzes approaches to the strategic management of their development under these conditions. Based on official statistical data and scientific publications, the author views migration not only as a challenge but also as a potential factor of transformation that requires rethinking traditional paradigms. The key factors of population outflow are systematized, and contemporary theoretical concepts are analyzed. Drawing on a comparative analysis of successful international and domestic practices, an adaptive model of strategic management is proposed that combines spatial planning, economic diversification, social engineering, and digitalization. The conclusion is drawn that a shift is needed from a policy of “retaining” the population toward creating conditions for a high quality of life and new forms of residency (remote employment, eco-settlement).

Keywords: rural areas, strategic management, migration outflow, depopulation, sustainable development, spatial development, migration.

Сельские территории составляют основу пространственно-территориального каркаса большинства стран, выполняя не только производственно-экономические (аграрные, рекреационные, природоохранные), но и жизненно важные социально-демографические, культурно-исторические и геополитические функции. Однако на протяжении последних десятилетий они сталкиваются с устойчивой тенденцией сокращения и старения населения, вызванной миграционным оттоком, прежде всего, молодежи и экономически активных граждан в города. Этот процесс носит глобальный характер, но его острота и последствия наиболее значимы для стран с обширной сельской периферией, включая Российскую Федерацию. Как подчеркивают С.В. Митрофанов, Р.Г. Янбых, Н.В. Орлова и Д.В. Николаев, демографические и институциональные вызовы сельских территорий России приводят к сокращению трудовых ресурсов в сельском хозяйстве [10].

По данным Росстата на 1 января 2025 г., городское население России составляет 109,8 млн человек (75,1%), а сельское — всего 36,3 млн человек (24,9%). В сравнении с 2024 годом сельское население в России сократилось на 0,3 млн человек, когда показатель был равен 36,6 млн жителей [17].

Миграционный отток приводит к целому ряду системных проблем: сокращению трудового потенциала, закрытию социальной инфраструктуры (школы, ФАПы, культурные учреждения), росту нагрузки на оставшееся население, деградации жилого фонда и инженерной инфраструктуры, уменьшению налоговой базы муниципалитетов и, как следствие, к усилению их зависимости от межбюджетных трансфертов. Возникает «порочный круг»: ухудшение условий жизни провоцирует новый виток миграции.

Традиционные подходы к развитию села, сфокусированные в основном на поддержке крупных агрохолдингов, оказываются недостаточными для решения этой комплексной социально-демографической проблемы. В этой связи актуализируется потребность в новых принципах и инструментах стратегического управления, способных не просто смягчить последствия оттока, но и переломить негативную тенденцию, превратив вызов в возможность для качественной трансформации сельских территорий.

Цель исследования — разработать концептуальные основы и практические рекомендации по стратегическому управлению развитием сельских территорий в условиях хронического миграционного оттока населения.

Миграция из села в город (урбанизация) — объективный исторический процесс, связанный с индустриализацией и перераспределением трудовых ресурсов. Однако в современных условиях он приобретает характер «вымывания» населения, угрожающий самим основам существования многих сельских сообществ.

Структурные особенности оттока:

- Возрастная селективность: основной миграционный потенциал сосредоточен в возрастной группе 15-35 лет (получение образования, поиск работы, создание семьи). Стоит подчеркнуть, что современное развитие российского аграрного сектора происходит в условиях масштабной депопуляции сельских территорий, характеризующейся устойчивой миграцией населения в городские агломерации, снижением рождаемости в сельской местности и прогрессирующим старением сельского населения [19].

- Гендерная асимметрия: чаще мигрируют молодые женщины, что ведет к дисбалансу половой структуры в сельской местности и проблемам формирования семей.

- Образовательная и профессиональная селективность: территорию покидают наиболее образованные и профессионально амбициозные жители, что ведет к истощению человеческого капитала.

– Цикличность: в ряде случаев формируется маятниковая или временная трудовая миграция, когда население физически проживает в селе, но экономически связано с городом.

Анализируя миграционные процессы в Сибири, Д.Е. Брызгина, Ф.А. Сметанин и А.А. Волошин выявили тенденции к устойчивому оттоку населения из сельских территорий сибирских регионов и к концентрации переезжающих сельских жителей в городах областного или районного подчинения [3]. В свою очередь, Е.М. Щербакова в аналитическом обзоре на платформе «Демоскоп Weekly» констатирует, что «городское население продолжает расти за счет миграции, сельские поселения преимущественно теряют население в миграционном обмене» [18].

Системные причины оттока носят комплексный характер и образуют взаимосвязанный кластер:

– Экономические — преобладание низкопродуктивной занятости; низкий уровень и нерегулярность доходов; монопрофильность экономики (зависимость от одного-двух предприятий или агрохолдинга); дефицит качественных рабочих мест вне аграрного сектора; недоступность кредитов для малого бизнеса.

– Социальные — существенный разрыв в качестве и доступности социальных услуг (образование, здравоохранение, культура) по сравнению с городом; деградация социальной инфраструктуры; ограниченные возможности для профессиональной и личностной самореализации.

– Инфраструктурные — низкое качество и высокая стоимость жилья; отсутствие или износ инженерных сетей (водопровод, канализация, газификация); плохое состояние дорог; ограниченный доступ к высокоскоростному интернету (цифровое неравенство).

– Воспринимаемые/психологические — ощущение социальной исключенности, «заброшенности» государством; негативный образ села как места без будущего, транслируемый СМИ и образовательной системой; разрыв социальных связей в результате предыдущих волн миграции.

Таким образом, миграционный отток — это не самостоятельная проблема, а индикатор глубоких системных диспропорций в развитии «центра» и «периферии». Стратегическое управление должно быть нацелено на устранение этих коренных причин.

Анализ успешных практик позволяет выделить эффективные инструменты стратегического управления.

– Опыт Европейского Союза. В рамках Единой аграрной политики (ЕАП) реализуется комплекс мер по развитию сельских территорий (Pillar II). Акцент сделан на диверсификации экономики, поддержке молодых фермеров и локальных лидеров, улучшении качества жизни [12].

– Опыт Японии. Делается ставка на внедрение высоких технологий в сельское хозяйство (роботизация, IoT), что компенсирует нехватку рабочих рук и создает высокотехнологичные рабочие места. Активно развивается сельский туризм и «зеленый» туризм. Реализуются программы переселения горожан в село («возвратная миграция») с предоставлением жилья, земли и консультационной поддержки [5].

Отечественный опыт (отдельные успешные кейсы):

– Развитие агротуризма и локальных брендов: Республика Алтай и Республика Карелия, где на основе природного и культурного потенциала созданы устойчивые туристические кластеры. В 2025 году Республика Алтай получила субсидии на развитие сельского туризма в размере 16,39 млн рублей, поддержано 120 проектов в сельском хозяйстве, создано 8 туробъектов и 8 площадок по переработке молока, мяса, древесины [6, 14]. Размер гранта «Аг-

ротуризм» составляет от 3 до 10 млн рублей ежегодно [1]. В Карелии три заявителя получили гранты на развитие сельского туризма; в 2025 году республике выделено 7 178,0 тыс. рублей из федерального бюджета на эти цели [16]. В Республике Алтай в 2025 году также поддержано 22 проекта малого и среднего предпринимательства и 4 проекта туристской инфраструктуры [4].

– Программа «Земский доктор/учитель»: попытка точечного решения кадрового дефицита в социальной сфере путем предоставления подъемных выплат. По данным на 2025 год, в Хабаровском крае по этой программе трудоустроились 57 новых специалистов (направлено 88 млн рублей из федерального и краевого бюджетов) [8]; в Крыму 70 врачей получили по 1 млн рублей [2]; в Карелии за пять лет участниками программы стали 314 человек [15].

– Проект «умной деревни»: в Челябинской области началось строительство первого в России умного поселка, включающего умный замок, датчики открытия на окнах, датчики протечек, удаленный контроль работы газового котла, регулируемые термоголовки на радиаторах отопления и датчики температуры [7, 9]. В Костромской области успешно функционирует животноводческий комплекс с роботами-дойками и «умными стойлами» [13].

Общим для успешных кейсов является отход от универсальных решений, опора на внутренний потенциал и активное вовлечение местного сообщества в процесс разработки и реализации стратегии.

На основе исследования предлагается многоуровневая модель стратегического управления. Основные принципы модели:

1. Адаптивность и дифференциация — стратегии должны варьироваться в зависимости от типа территории (пригородные, агропромышленные, удаленные депрессивные, рекреационные).
2. Соучаствующее планирование — ключевая роль в разработке стратегии отводится местным жителям, бизнесу, НКО.
3. Проактивность и ориентация на будущее — управление должно не реагировать на последствия, а формировать желаемый образ будущего территории.
4. Проектный подход и межведомственная координация — консолидация ресурсов различных ведомств (экономика, социальная политика, строительство, цифровое развитие) вокруг конкретных, измеримых проектов.
5. Открытость и привлечение «новых поселенцев» — стратегия должна быть нацелена не только на удержание, но и на привлечение новых человеческих и финансовых ресурсов извне.

На основе проведенного анализа предлагаются следующие реальные, конкретные меры для органов государственной власти, регионального и муниципального управления, а также для местных сообществ.

1. В сфере экономической диверсификации:

– Расширить линейку грантов для несельскохозяйственных видов деятельности: ввести отдельное направление «Сельский digital-коворкинг» (с финансированием до 2 млн руб. на создание рабочего пространства для удалённых сотрудников).

– Субсидировать создание цепочек переработки местного сырья (молоко, мясо, дикоросы) с нулевой ставкой налога на прибыль для кооперативов в первые 3 года работы.

– Обязать крупные агрохолдинги отчислять не менее 1% выручки в муниципальные фонды развития сельских сообществ (по аналогии с соглашениями о социально-экономическом партнёрстве).

2. В сфере развития человеческого капитала:

- Модернизировать программу «Земский доктор/учитель»: добавить жилищный сертификат (не просто подъёмные, а целевые средства на строительство или покупку дома), а также включить в программу специалистов по цифровым технологиям (системных администраторов, IT-специалистов для школ и ФАПов).

- Ввести для сельских школьников обязательные профориентационные выездные модули (4-5 дней) на успешные агропредприятия и туристические объекты внутри своего и соседних регионов.

3. В сфере инфраструктуры и пространственного развития:

- Законодательно закрепить понятие «опорный населённый пункт» и критерии его отбора (численность, наличие школы/ФАПа, транспортная доступность), а также утвердить перечень гарантированных услуг (не подлежащих закрытию). Все свободные бюджетные средства на социальную инфраструктуру направлять исключительно в опорные пункты.

- Внедрить пилотный проект «Умная деревня» не менее чем в 10 регионах с софинансированием 70% за счёт федерального бюджета (как это сделано в Челябинской области), с последующим тиражированием лучших практик.

- Обеспечить 100% покрытие широкополосным интернетом (не менее 100 Мбит/с) всех опорных населённых пунктов к 2028 году — за счёт перенаправления части средств универсальной услуги связи.

4. В сфере управления миграцией и маркетинга территорий:

- Запустить общероссийский портал «Живи на селе» с интерактивной картой вакансий, свободных домов, грантов и мерами поддержки для потенциальных переселенцев. Обязать регионы ежеквартально обновлять данные.

- Предоставлять «пилотные переезды» (оплата проезда и проживания на 7–10 дней) для горожан, рассматривающих переезд в сельскую местность, — по заявкам муниципалитетов с последующим возмещением из регионального бюджета.

- Ввести рейтинг «Сельское гостеприимство» для муниципальных районов по критериям: темпы сокращения оттока, количество новых семей с детьми, число созданных рабочих мест вне АПК.

Таким образом, миграционный отток из сельских территорий России носит системный характер и не может быть преодолен точечными мерами. Успешные международные и отечественные практики показывают, что эффективная стратегия должна строиться на диверсификации экономики, цифровизации, развитии агротуризма и поддержке местных сообществ. Ключевой вектор — переход от политики «удержания» населения к созданию условий для качественной жизни и привлечения новых жителей (удалённые работники, экопоселенцы). Реализация предложенных рекомендаций позволит стабилизировать сельские территории и сохранить их социально-экономический потенциал.

Литература

1. Об утверждении решения о порядке предоставления грантов в форме субсидии на финансовое обеспечение затрат, связанных с реализацией проектов развития сельского туризма (грант «Агротуризм») : Приказ Министерства сельского хозяйства Республики Алтай от 16.05.2025 № П-08-01/0163. URL: https://altai-republic.ru/upload/iblock/898/406dsig44h4u652s5ji1h8ecreei0t53/minagriculture_p_08_01_0163_2025.pdf#4#1 (дата обращения: 28.05.2026).

2. В Крыму 70 врачей получили по миллиону рублей по программе «Земский доктор» // Аргументы и Факты: [сайт]. URL : <https://krym.aif.ru/society/v-krymu-vveli-limit-na-ai-95-20-litrov-v-sutki-na-cheloveka> (дата обращения: 26.05.2026).
3. Внутрирегиональная и межрегиональная миграция населения Сибири: сравнительный анализ Иркутской, Томской областей и Красноярского края / Д. Е. Брызгина, Ф. А. Сметанин, А. А. Волошин, А. С. Самарин // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 500. С. 137–149.
4. Власти Республики Алтай поддержат в 2025г проекты в АПК и туризме — Турчак // Сетевое издание «Интерфакс-Россия» : [сайт]. URL: <https://www.interfax-russia.ru/siberia/main/vlasti-respubliki-altay-podderzhat-v-2025g-proekty-v-apk-i-turizme-turchak> (дата обращения: 26.05.2026).
5. Воробьева Н. А. Трансформации аграрного сектора Японии в рамках полномасштабной цифровизации / Н. А. Воробьева, М. В. Колесников // Известия Восточного института. 2022. № 3(55). С. 144-158.
6. В Республике Алтай освоено 33,7% средств господдержки АПК и сельских территорий // ФГБУ «ЦЕНТР АГРОАНАЛИТИКИ»: [сайт]. URL: <https://specagro.ru/news/202506/v-respublike-altay-osvoeno-337-sredstv-gospodderzhki-apk-i-selskikh-territoriy> (дата обращения: 26.05.2026).
7. В 15 минутах от Челябинска построят первый в России умный поселок // Сетевое издание «Губерния — Южный Урал»: [сайт]. URL: https://gubernia74.ru/articles/society/1135207/?sphrase_id=226832 (дата обращения: 27.05.2026).
8. В Хабаровском крае 57 врачей устроились по программе «Земский доктор» // Аргументы и Факты : [сайт]. URL : <https://hab.aif.ru/society/v-habarovskom-krae-57-vrachey-ustroilis-po-programme-zemskiy-doktor> (дата обращения: 26.05.2026).
9. В Челябинской области началось строительство первого в России умного поселка // Коммерсантъ : [сайт]. URL : <https://www.kommersant.ru/doc/7974022> (дата обращения: 27.05.2026).
10. Демографические вызовы развитию сельских территорий и кадровое обеспечение АПК / С. В. Митрофанов, Р. Г. Янбых, Н. В. Орлова, Д. В. Николаев // Крестьяноведение. 2025. Т. 10, № 3. С. 38-67.
11. Карагулян, Е. А. Международный и российский опыт внедрения концепции «умная деревня» / Е. А. Карагулян, Е. Л. Андреева, А. А. Фролов // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15, № 10. С. 6983-7004.
12. Пряжникова О. Н. Единая аграрная политика ЕС на современном этапе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2. Экономика. Реферативный журнал. 2020. № 2. С. 28–33.
13. Телячья «деревня», роботы-доярки, «умные» стойла: Настоящая ферма будущего процветает на костромской земле // Сетевое издание «Комсомольская правда»: [сайт]. URL: <https://www.kostroma.kp.ru/daily/27749.5/177355/> (дата обращения: 28.05.2026).
14. Турчак и Мишустин обсудили результаты и планы развития Республики Алтай // Сетевое издание «ТОЛК»: [сайт]. URL : <https://tolknews.ru/respaltay/obsestvo/196709-mishustin-i-turchak-obsudili-klyuchevie-voprosi-razvitiya-respubliki-altay> (дата обращения: 28.05.2026).
15. Участниками программы «Земский доктор» в Карелии стали 314 человек // Сетевое издание Информационное агентство «Республика»: [сайт]. URL: <https://rk.karelia.ru/social/zdravoohranenie/uchastnikami-programmy-zemskij-doktor-v-karelii-stali-314-chelovek/> (дата обращения: 30.05.2026).
16. Фермер открыл благодаря гранту сыроварню и кафе в Карелии // Сетевое издание Информационное агентство «Республика»: [сайт]. URL : <https://rk.karelia.ru/production/fermer-otkryl-blagodarya-grantu-syrovarnyu-i-kafe-v-karelii/> (дата обращения: 30.05.2026).
17. Численность населения на 2025 год по данным Росстата // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 30.05.2026).
18. Щербакова, Е. М. Динамика численности городского и сельского населения России / Е. М. Щербакова // Демоскоп Weekly. 2025. № 1093-1094. С. 1-20.

19. Экономические последствия депопуляции сельских территорий для развития аграрного сектора / Д. Е. Морковкин, Д. И. Ряховский, Ю. А. Симагин, Н. А. Назарова // Народонаселение. 2025. Т. 28, № 4. С. 93–104.

Статья поступила в редакцию 01.06.2026; одобрена после рецензирования 03.06.2026; принята к публикации 11.06.2026.

МЕТОДЫ И МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЛИЧНОСТИ, БИЗНЕСА И ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССАМИ ИХ РАЗВИТИЯ

© Лизунков Владислав Геннадьевич

кандидат педагогических наук, доцент,

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Россия, г. Томск

vladeslave@rambler.ru

© Карпов Николай Сергеевич

обучающийся,

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Россия, г. Томск

nsk43@tpu.ru

Аннотация. В статье исследуется система стратегического взаимодействия трех ключевых субъектов социально-экономического развития: личности (человеческого капитала), бизнеса (корпоративного сектора) и власти (государственных институтов). Актуальность исследования обусловлена необходимостью перехода от фрагментарного регулирования к синергетическому управлению развитием в условиях глобальной нестабильности. Авторами классифицированы модели взаимодействия, проанализированы инструменты управления и предложена концепция согласования стратегических интересов субъектов для обеспечения устойчивого роста. Особое внимание уделено роли цифровизации и ESG-принципов в трансформации традиционных механизмов взаимодействия.

Ключевые слова: человеческий капитал, государственно-частное партнерство, стейкхолдерский подход, управление развитием, институциональная среда, ESG, триада развития

METHODS AND MODELS OF INTERACTION BETWEEN INDIVIDUALS, BUSINESS AND GOVERNMENT IN THE CONTEXT OF MANAGING THEIR DEVELOPMENT PROCESSES

Vladislav G. Lizunkov

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,

National Research Tomsk Polytechnic University

Tomsk, Russia

vladeslave@rambler.ru

Nikolay S. Karpov

Student,

National Research Tomsk Polytechnic University

Tomsk, Russia,

nsk43@tpu.ru

Abstract. This article examines the system of strategic interaction between three key actors in socio-economic development: individuals (human capital), businesses (the corporate sector), and government (state institutions). The relevance of the study stems from the need to transition from fragmented regulation to synergistic development management in the context of global instability. The authors classify interaction

models, analyze management tools, and propose a concept for aligning the strategic interests of actors to ensure sustainable growth. Particular attention is paid to the role of digitalization and ESG principles in transforming traditional interaction mechanisms.

Keywords: human capital, public-private partnership, stakeholder approach, development management, institutional environment, ESG, development triad.

Введение

Современная социально-экономическая система характеризуется высокой степенью взаимозависимости ее субъектов. Традиционная дихотомия «государство — рынок» уступила место более сложной конструкции, включающей личность как самостоятельного фактора, обладающего индивидуальностью и способного влиять на макроэкономические процессы. Управление процессами развития в такой системе требует не просто координации действий, а глубокой интеграции интересов личности, бизнеса и власти.

Проблема исследования заключается в наличии дисбаланса между темпами развития институтов власти, возможностями бизнеса и потребностями личности в самореализации. Часто стратегии развития этих субъектов реализуются автономно, что приводит к возникновению институциональных ловушек, снижению инвестиционной привлекательности и росту социальной напряженности.

Цель статьи — систематизировать методы и модели взаимодействия личности, бизнеса и власти, а также разработать концептуальный подход к управлению процессами их совместного развития.

Объект исследования — система социально-экономических отношений между государством, бизнес-структурами и населением.

Предмет исследования — методы, модели и механизмы управления взаимодействием субъектов в контексте их устойчивого развития.

Материалы и методы

1. Теоретико-методологические основы взаимодействия субъектов развития

Анализ научной литературы позволяет выделить несколько теоретических подходов к изучению взаимодействия рассматриваемой триады:

- Институциональная теория. Рассматривает власть как создателя правил игры, бизнес как игрока, оптимизирующего поведение в рамках этих правил, а личность как носителя неформальных институтов (норм, ценностей), влияющих на эффективность формальных правил [1];

- Теория стейкхолдеров (R. E. Freeman). Позволяет рассматривать личность, бизнес и власть как заинтересованные стороны, успех каждой из которых зависит от учета интересов других [2];

- Модель «Тройной спирали» (Triple Helix). Изначально разработанная для взаимодействия «Университет — Индустрия — Государство», данная модель адаптируется для анализа триады «Личность — Бизнес — Власть», где личность выступает источником инноваций и человеческого капитала [3].

В контексте управления развитием ключевым понятием становится синергия. Развитие системы превышает сумму развитий отдельных элементов только при наличии эффективных каналов коммуникации и механизмов распределения выгод.

2. Типология моделей взаимодействия

На основе анализа степени вовлеченности и баланса власти между субъектами можно выделить четыре базовые модели взаимодействия, представленные в табл. 1 [6, 8, 9].

Модели взаимодействия

Модель	Роли	Механизм	Эффект для развития	Риски
<i>Иерархическая (Административная)</i>	Доминирующая роль принадлежит власти. Бизнес и личность выступают объектами управления	Директивное планирование, нормативное регулирование, распределение ресурсов	Высокая скорость мобилизации ресурсов в кризис, но низкая инновационная активность и подавление инициативы личности	Бюрократизация, коррупция, отток человеческого капитала
<i>Рыночная (Либеральная)</i>	Доминирующая роль принадлежит бизнесу. Власть выполняет функцию «ночного сторожа», личность рассматривается как потребитель и ресурс	Конкуренция, ценовые сигналы, частная собственность	Высокая экономическая эффективность, технологический прогресс	Социальное неравенство, игнорирование общественных благ, деградация человеческого капитала в незащищенных слоях
Партнерская (Сетевая)	Баланс интересов через механизмы переговоров и соглашений	Государственно-частное партнерство (ГЧП), социальное партнерство, общественные советы	Устойчивость, учет долгосрочных интересов, снижение транзакционных издержек	Высокий уровень доверия и развитые институты гражданского общества
Цифровая платформа	Взаимодействие опосредовано цифровыми экосистемами. Границы между субъектами размываются (например, самозанятость, краудсорсинг госуслуг)	Алгоритмическое (matching), большие данные, смарт-контракты	Прозрачность, скорость принятия решений, персонализация услуг развития	Цифровое неравенство, потеря приватности, алгоритмическая дискриминация

3. Методы управления взаимодействием и развитием

Управление процессами развития требует применения комплексного инструментария. Методы можно классифицировать по типу воздействия на систему.

3.1. Институционально-правовые методы.

Направлены на создание стабильной среды.

- Законодательное закрепление прав: защита прав собственности (для бизнеса), трудовых прав (для личности), ограничение произвола (для власти).
- Стандартизация: внедрение профессиональных стандартов, связывающих требования бизнеса с образовательными траекториями личности.
- Регуляторные песочницы: позволяют бизнесу тестировать инновации в безопасной правовой среде, созданной властью [13].

3.2. Экономико-финансовые методы

Направлены на стимулирование желаемого поведения.

- Налоговые стимулы: Льготы для компаний, инвестирующих в развитие персонала (обучение, здоровье), и для граждан, инвестирующих в свое образование (налоговые вычеты).
- Целевое финансирование: Гранты на социальные проекты, субсидирование процентных ставок для приоритетных отраслей.
- Оценка социального воздействия (SROI): Инструмент для измерения эффективности вложений бизнеса и власти в развитие личности [12].

3.3. Социально-коммуникативные методы

Направлены на гармонизацию ценностей.

- ESG-трансформация: Интеграция экологических, социальных и управленческих факторов в стратегию бизнеса при поддержке власти и запросе со стороны личности.
- Трипартизм: Регулярные комиссии с участием правительства, профсоюзов и объединений работодателей для согласования условий труда и развития.
- Общественный диалог: Форсайт-сессии, стратегические сессии с участием граждан для формирования национальных целей развития [4].

4. Механизм управления процессами совместного развития [5, 7]

Взаимодействие само по себе не гарантирует развития. Необходим специальный механизм управления, обеспечивающий направленность изменений. Предлагается следующая схема управления:

1. Диагностика и целеполагание:

- Власть формулирует национальные приоритеты (например, технологический суверенитет).
- Бизнес оценивает рыночные возможности в рамках приоритетов.
- Личность определяет запрос на компетенции и качество жизни.
- Инструмент: Единая цифровая платформа стратегического планирования.

2. Синхронизация стратегий:

- Корпоративные стратегии развития должны включать разделы о вкладе в человеческий капитал региона присутствия.
- Государственные программы развития человеческого капитала должны учитывать прогноз потребностей бизнеса в кадрах.
- Инструмент: Отраслевые соглашения о развитии кадрового потенциала.

3. Мониторинг и обратная связь:

- Использование больших данных для отслеживания эффективности мер поддержки.
- Оценка удовлетворенности личности качеством среды (индекс счастья, уровень доверия).
- Инструмент: Система сбалансированных показателей (BSC) для национальной экономики.

4. Корректировка и адаптация:

- Гибкое изменение правил в ответ на внешние шоки.
- Инструмент: Антикризисные консилиумы с участием всех трех сторон.

Результаты

Проблемы и перспективы трансформации [11, 10]

Несмотря на наличие теоретических моделей, на практике реализация управления развитием сталкивается с рядом барьеров:

1. *Асимметрия информации*: Власть не всегда знает реальные потребности бизнеса, бизнес не понимает стратегических рисков государства, личность не информирована о возможностях развития. Решение: Развитие прозрачных цифровых экосистем обмена данными.
2. *Краткосрочность горизонтов планирования*: Бизнес ориентирован на квартальную прибыль, власть — на электоральные циклы, личность — на текущее потребление. Решение: Внедрение долгосрочных стимулов (например, льготное налогообложение при удержании инвестиций более 5 лет).

3. *Дефицит доверия*: Низкий уровень социального капитала затрудняет партнерские модели. Решение: Последовательная реализация обязательств, повышение прозрачности принятия решений.

Обсуждение

Перспективным направлением является переход к модели экосистемного развития, где личность выступает не просто ресурсом, а со-творцом ценности. В этой модели власть создает инфраструктуру, бизнес предоставляет сервисы и возможности, а личность активно участвует в управлении через цифровые платформы и гражданские инициативы.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что эффективное управление процессами развития в современной экономике невозможно в рамках изолированных стратегий отдельных субъектов. Необходим переход к интегральной модели взаимодействия личности, бизнеса и власти.

Наиболее перспективной представляется гибридная модель, сочетающая стратегическое целеполагание государства, экономическую эффективность бизнеса и гуманистическую ориентацию на развитие человеческого капитала личности. Ключевыми методами управления в такой системе становятся цифровизация коммуникаций, внедрение ESG-стандартов и институционализация социального партнерства.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку количественных метрик оценки синергетического эффекта от взаимодействия данной триады, а также на анализ влияния искусственного интеллекта на трансформацию ролей субъектов в процессе управления развитием.

Благодарность

«Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00089, <https://rscf.ru/project/25-18-00089/>»

Литература

1. D. North Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / D. North; РАН; Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; Предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. Москва : Начала, 1997. 180 с. <https://gtmarket.ru/library/basis/6310> (дата обращения: 18.02. 2026)
2. Freeman R. E. Strategic Management: A Stakeholder Approach. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010. https://books.google.ru/books/about/Strategic_Management.html?id=NpmA_qEiOpkC&redir_esc=y (дата обращения: 20.02. 2026)
3. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Triple Helix: University-Industry-Government Innovation in Action. — Routledge, 2000. DOI:10.1111/j.1435-5957.2011.00357.x (дата обращения: 11.02. 2026)
4. Боброва В.Е., Кочетков А.А. Инструменты социального развития, как основа развития кадрового потенциала // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2017. Т. 3. № 13. С. 715–716. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32539144_34896066.pdf (дата обращения: 18.02.2026)
5. Взгляд молодых учёных на подходы и алгоритмы управления пространственным развитием для повышения устойчивости, инновационности и конкурентоспособности экономики регионов // Сборник трудов молодых ученых / Санкт-Петербург, 2022. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_50074615_70221230.pdf (дата обращения: 18.01. 2026)
6. Гуриева Л.К. Общая типология национальных моделей взаимодействия государства и бизнеса // 2021. № 3. С. 182-184. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46569657_51032235.pdf (дата обращения: 10.02. 2026)

7. Демьяненко В.И. Региональное развитие как процесс и результат в социологии управления // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. № 6. С. 51-62. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_59720253_61941659.pdf (дата обращения: 18.02. 2026)
8. Захарова В. А., Белозерова А. С. Модели сетевого взаимодействия в образовании: варианты типологии и классификации в научной литературе // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2025. № 2. С. 48-57. DOI: 10.21510/3034-2678-2025-2-48-57 (дата обращения: 12.02. 2026)
9. Лобанова А.В. Анализ моделей взаимодействия региональной власти, бизнес-структур и гражданского общества // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2013. № 17. С. 262-270. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20695673_65226571.pdf (дата обращения: 22.02. 2026)
10. Троян Н.А. Проблемы и перспективы развития цифровой трансформации государственного управления в России // Информационное право. 2022. № 1. С. 14-18. DOI: 10.55291/1999-480X-2022-1-14-18 (дата обращения: 19.02. 2026)
11. Усамов И.Р. Цифровая трансформация образования: проблемы и перспективы // Вестник ГГНТУ. Гуманитарные и социально-экономические науки. 2019. Т. 15. № 3 (17). С. 80-86. DOI: 10.34708/GSTOU.2019.17.3.021 (дата обращения: 24.02. 2026)
12. Устюгов Ю.А. Метод оптимизации управления стратегическим социально-экономическим развитием территории и жизнедеятельностью ее субъектов в условиях дефицита ресурсов и перехода к новому технологическому укладу в парадигме цифровой экономики // Сибирская финансовая школа. 2018. № 1 (126). С. 75-87. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32587175_52508523.pdf (дата обращения: 23.02. 2026)
13. Щукина Т.В. Правовое регулирование промышленной политики, организации и деятельности промышленных кластеров, сетевое взаимодействие в области управления промышленностью и характеристика общественных сетей // Юридическая наука. 2018. № 3. С. 74-87. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-promyshlennoy-politiki-organizatsii-i-deyatelnosti-promyshlennyh-klasterov-setevoe-vzaimodeystvie-v-oblasti/viewer> (дата обращения: 10.02. 2026)

Статья поступила в редакцию 26.03.2026; одобрена после рецензирования 01.04.2026; принята к публикации 08.04.2026.

Научная статья

УДК 331.101.3:35.08(571.52)

DOI 10.18101/2305-3453-2026-2-75-80

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МОТИВАЦИИ И СТИМУЛИРОВАНИЯ ТРУДА ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВА

© **Монгуш Ольга Николаевна**

кандидат экономических наук, доцент,
Тувинский государственный университет
Россия, г. Кызыл
olga_vlad80@mail.ru

© **Дагба Далай Саян-оолович**

обучающийся,
Тувинский государственный университет
Россия, г. Кызыл
ef@tuvsu.ru

© **Карьянова Алина Игорьевна**

обучающийся,
Тувинский государственный университет
Россия, г. Кызыл
alinacaryanova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются специфические характеристики систем мотивации и стимулирования труда государственных и муниципальных служащих в условиях Республики Тыва. Анализируются региональные факторы, влияющие на эффективность применяемых методов стимулирования: географическая удалённость, социально-экономическое положение региона, особенности кадрового состава. Исследование выявляет противоречие между формально действующими федеральными механизмами мотивации и их фактической результативностью в региональном контексте. Особое внимание уделяется материальным и нематериальным факторам, влияющим на удержание квалифицированных кадров в системе государственного и муниципального управления республики. Практическая значимость работы состоит в определении направлений совершенствования региональной политики в сфере управления персоналом органов власти.

Ключевые слова: мотивация труда, стимулирование персонала, государственные служащие, муниципальные служащие, Республика Тыва, региональные особенности, кадровая политика

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF MOTIVATION AND INCENTIVES FOR PUBLIC AND MUNICIPAL EMPLOYEES IN THE REPUBLIC OF TUVA

Olga N. Mongush

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Tuvan State University
Kyzyl, Russia
olga_vlad80@mail.ru

Dalai S. Dagba

Student,
Tuvan State University
Kyzyl, Russia
ef@tuvsu.ru

Alina I. Karyanova
Student,
Tuvan State University
Kyzyl, Russia
alinacaryanova@yandex.ru

Abstract. The article examines the specific characteristics of motivation and labor stimulation systems for state and municipal employees in the conditions of the Republic of Tuva. Regional factors affecting the effectiveness of applied stimulation methods are analyzed: geographical remoteness, socio-economic situation of the region, features of personnel composition. The study reveals a contradiction between formally operating federal motivation mechanisms and their actual effectiveness in the regional context. Special attention is paid to material and non-material factors affecting the retention of qualified personnel in the system of state and municipal administration of the republic. The practical significance of the work consists in determining directions for improving regional policy in the field of personnel management of government bodies.

Key words: labor motivation, personnel stimulation, civil servants, municipal employees, Republic of Tuva, regional features, personnel policy.

Республика Тыва занимает особое положение среди субъектов Российской Федерации. Географическая удалённость, низкий уровень экономического развития, дефицит квалифицированных кадров — всё это создаёт специфические условия для функционирования органов власти. Средний возраст государственных служащих в республике составляет 42,3 года, что на 3,7 года выше общероссийского показателя.

По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва, уровень среднемесячной заработной платы государственных служащих в 2024 году составил 58 742 рубля, что на 28% ниже среднего показателя по Сибирскому федеральному округу [7]. Муниципальные служащие получают ещё меньше — в среднем 47 300 рублей. При этом стоимость потребительской корзины в условиях удалённости региона и сложной логистики оказывается выше, чем в соседних субъектах федерации.

Текучесть кадров в органах местного самоуправления республики достигает 18–22% в год. Особенно остро проблема стоит в малых муниципальных образованиях, где конкуренция за квалифицированных специалистов практически отсутствует. Служащие уходят в коммерческий сектор, переезжают в другие регионы или меняют сферу деятельности. Система мотивации, построенная на федеральных принципах, не учитывает этих реалий.

Впрочем, проблема не сводится исключительно к уровню оплаты труда. Исследования показывают, что нематериальные факторы — карьерные перспективы, возможности профессионального развития, социальное признание — играют не меньшую роль в удержании персонала [3]. В условиях Тывы эти факторы реализуются слабо: отсутствует системная программа повышения квалификации, ограничены возможности горизонтального и вертикального роста, низка престижность государственной службы в глазах местного населения.

Национально-культурная специфика региона добавляет дополнительные сложности. Значительная часть населения проживает в сельской местности, сохраняет традиционный уклад жизни, слабо интегрирована в рыночные отношения. Для привлечения специалистов в отдалённые районы требуются особые механизмы стимулирования, которых действующая система не предусматривает.

Структура мотивационных факторов в региональной практике. Материальное стимулирование остаётся базовым элементом мотивации государственных и муниципальных

служащих. Однако структура денежного содержания в Республике Тыва имеет существенные отличия от общероссийской модели.

Должностной оклад составляет лишь 35–40% от общего объёма выплат. Остальное приходится на надбавки за выслугу лет, премии по результатам работы, районные коэффициенты. Северная надбавка в размере 40% формально компенсирует сложные климатические условия, но фактически не покрывает повышенных расходов на жизнеобеспечение в условиях континентального климата с температурными перепадами от -45°C зимой до $+35^{\circ}\text{C}$ летом.

По результатам опроса, проведённого среди 217 государственных и муниципальных служащих республики в 2024 году, 68% респондентов считают размер денежного содержания недостаточным для обеспечения достойного уровня жизни [5]. При этом 52% отметили, что готовы продолжать работу в органах власти при условии улучшения нематериальных условий труда — даже без существенного повышения зарплаты.

Премирование как инструмент мотивации используется неэффективно. Критерии начисления премий часто размыты, субъективны, непрозрачны для самих служащих. В результате премия воспринимается не как поощрение за конкретные достижения, а как «положенная» часть заработка. Мотивирующая функция при этом утрачивается.

Социальный пакет государственных служащих формально включает медицинское страхование, санаторно-курортное лечение, компенсацию затрат на профессиональное развитие. Однако реализация этих гарантий в условиях Тывы затруднена. Медицинские учреждения с необходимым уровнем оснащения расположены преимущественно в Кызыле, доступ к качественным медицинским услугам в районах ограничен. Санаторно-курортное лечение требует выезда за пределы региона, что связано с дополнительными расходами, не всегда компенсируемыми.

Нематериальная мотивация развита слабо, хотя именно здесь — значительный потенциал повышения эффективности. Публичное признание заслуг, награждение почётными грамотами, присвоение званий практикуется формально, не создаёт реального статусного эффекта. Карьерные лифты работают медленно: средний срок пребывания в одной должности составляет 7,2 года, что демотивирует амбициозных молодых специалистов [1].

Особенно тревожна ситуация с возможностями профессионального развития. Программы повышения квалификации реализуются нерегулярно, часто в дистанционном формате без учёта специфики реальных задач, стоящих перед служащими. Стажировки в других регионах или федеральных органах власти доступны единицам. Молодые специалисты, получившие образование за пределами республики, не видят перспектив профессиональной самореализации и не возвращаются после окончания вузов.

Дефициты действующей системы и барьеры развития

Федеральное законодательство устанавливает единые принципы организации государственной и муниципальной службы, однако региональные власти обладают ограниченными возможностями для их адаптации к местным условиям. Жёсткая регламентация окладов, надбавок, социальных гарантий не оставляет пространства для маневра.

Бюджетные ограничения усугубляют ситуацию. Собственные доходы бюджета Республики Тыва покрывают менее 30% расходных обязательств, остальное приходится на дотации из федерального центра [7]. В условиях дефицита средств расходы на оплату труда государственных и муниципальных служащих рассматриваются как неизбежная, но непроизводительная статья. Инвестиции в развитие системы мотивации откладываются на неопределённый срок.

Отсутствует целостная концепция кадровой политики в сфере государственного и муниципального управления на региональном уровне. Решения принимаются реактивно, в ответ на острые кризисные ситуации — массовое увольнение специалистов какого-то департамента, невозможность укомплектовать штат нового ведомства. Системной работы по прогнозированию кадровых потребностей, планированию карьерных траекторий, формированию кадрового резерва не ведётся.

Низкая цифровизация управленческих процессов создаёт избыточную бюрократическую нагрузку. Служащие тратят значительную часть рабочего времени на составление отчётности, согласование документов, участие в совещаниях. Это снижает содержательную наполненность работы, вызывает профессиональное выгорание, демотивирует.

Связь между результативностью работы служащего и его вознаграждением практически не прослеживается. Система ключевых показателей эффективности внедрена формально, но не работает. Показатели часто устанавливаются так, что их выполнение не зависит от усилий конкретного служащего — либо, напротив, недостижимо в принципе. В итоге KPI превращаются в ещё один бюрократический ритуал, а не в инструмент управления мотивацией.

Кадровые службы органов власти Республики Тыва укомплектованы слабо, работают преимущественно в режиме кадрового делопроизводства. Функции по развитию персонала, управлению мотивацией, формированию корпоративной культуры практически не реализуются. Специалисты кадровых подразделений не имеют необходимых компетенций в области HR-менеджмента, что закономерно при отсутствии программ их профессиональной подготовки.

Направления совершенствования региональной политики мотивации и стимулирования. Преодоление выявленных дефицитов требует комплексного подхода, сочетающего меры на федеральном и региональном уровнях.

Дифференциация окладов с учётом региональной специфики могла бы частично решить проблему низкой конкурентоспособности государственной и муниципальной службы на рынке труда Тывы. Увеличение базовых окладов на 25–30% для служащих, работающих в отдалённых районах республики, позволило бы привлечь и удержать квалифицированные кадры. Однако это требует изменений федерального законодательства и дополнительного финансирования из федерального бюджета.

Развитие программ «подъёмных» выплат для молодых специалистов, прибывающих на работу в органы власти Республики Тыва после окончания вузов, показало свою эффективность в других регионах Сибири и Дальнего Востока [4]. Единовременная выплата в размере 300–500 тысяч рублей при условии работы в течение не менее пяти лет могла бы стать значимым стимулом. Пилотные проекты в районах Крайнего Севера демонстрируют снижение текучести кадров среди молодых специалистов на 40–45%.

Создание региональной системы профессионального развития государственных и муниципальных служащих — задача, решаемая силами самой республики. Организация постоянно действующих курсов повышения квалификации на базе Тувинского государственного университета с привлечением преподавателей из ведущих российских вузов и практиков из федеральных органов власти обеспечила бы доступность качественного обучения без необходимости длительных командировок.

Внедрение прозрачной системы оценки результативности труда требует методологической проработки. Ключевые показатели эффективности должны быть измеримыми, достижимыми, релевантными функциям конкретного служащего. Необходима автоматизация сбо-

ра данных для расчёта KPI, чтобы исключить субъективизм и манипуляции. Связь размера премии с выполнением показателей должна быть линейной и понятной каждому работнику.

Развитие нематериальной мотивации не требует значительных бюджетных вложений, но предполагает изменение управленческой культуры. Публичное признание достижений служащих через СМИ, социальные сети, официальные мероприятия повышает статус государственной службы в обществе. Организация конкурсов профессионального мастерства, присуждение наград за конкретные проекты и инициативы создаёт среду здоровой конкуренции и стремления к профессиональному росту.

Формирование кадрового резерва с прозрачными критериями отбора и понятными траекториями карьерного продвижения способствовало бы удержанию амбициозных специалистов. Включение в резерв должно сопровождаться индивидуальным планом развития, стажировками в других органах власти, наставничеством со стороны опытных руководителей. Практика регионов Центральной России показывает, что до 60% вакансий руководящих должностей могут замещаться из кадрового резерва [6].

Улучшение условий труда — эргономика рабочих мест, современное офисное оборудование, комфортные пространства для отдыха и неформального общения — влияет на удовлетворённость работой не меньше, чем размер заработной платы. Многие здания, в которых размещаются органы власти в районах Республики Тыва, построены в советское время, не ремонтировались десятилетиями, не соответствуют современным стандартам. Программа модернизации инфраструктуры могла бы стать значимым сигналом для служащих о том, что руководство региона ценит их труд.

Цифровизация административных процессов снизит рутинную нагрузку, высвободит время для содержательной работы. Внедрение систем электронного документооборота, автоматизация формирования отчётности, использование средств видеоконференцсвязи для сокращения числа очных совещаний — всё это повышает привлекательность государственной службы для молодых специалистов, выросших в цифровой среде [2].

Заключение. Система мотивации и стимулирования труда государственных и муниципальных служащих в Республике Тыва нуждается в глубокой трансформации. Применение унифицированных федеральных механизмов без учёта региональной специфики не обеспечивает ни привлечения квалифицированных кадров, ни их удержания, ни повышения эффективности деятельности органов власти.

Основные проблемы концентрируются в трёх областях. Материальное стимулирование недостаточно для компенсации сложных условий жизни и работы в регионе с низким уровнем социально-экономического развития. Нематериальная мотивация развита слабо, что особенно критично для молодых специалистов, ориентированных на профессиональный рост и самореализацию. Системные дефициты кадровой политики — отсутствие стратегического планирования, слабость кадровых служб, формализм в оценке результативности — не позволяют использовать имеющиеся инструменты эффективно.

Решение проблемы требует сочетания федеральных и региональных мер. На федеральном уровне необходимо предоставить субъектам федерации большую самостоятельность в формировании систем оплаты труда и социальных гарантий государственных и муниципальных служащих с учётом местных условий. Региональные власти должны разработать и последовательно реализовывать долгосрочную стратегию развития кадрового потенциала органов власти, включающую программы привлечения молодых специалистов, профессионального развития, карьерного продвижения.

Перспективы дальнейших исследований связаны с количественной оценкой эффективности отдельных инструментов мотивации в условиях регионов с различным уровнем социально-экономического развития, разработкой методик адаптации федеральных стандартов к региональной специфике, изучением передового опыта других субъектов Российской Федерации, сталкивающихся со схожими вызовами.

Литература

1. Дамба-Хуурак Ч.Б. Проблемы кадрового обеспечения органов местного самоуправления в Республике Тыва // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2023. № 4. С. 18–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54721033> (дата обращения: 19.04.2026).
2. Иванова А.С., Петров Д.В. Цифровизация государственного управления как фактор повышения мотивации государственных служащих // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 2. С. 87–104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-gosudarstvennogo-upravleniya-kak-faktor-povysheniya-motivatsii-gosudarstvennyh-sluzhaschih> (дата обращения: 19.04.2026).
3. Кузнецова О.П. Нематериальная мотивация персонала в системе государственного управления: теория и практика // Управленческие науки. 2025. Т. 15. № 1. С. 62–78. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=62147829> (дата обращения: 19.04.2026).
4. Михайлов С.Н., Соколова Е.А. Программы привлечения молодых специалистов на государственную службу в регионах Сибири и Дальнего Востока // Регионоведение. 2024. Т. 32. № 3. С. 534–551. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/programmy-privlecheniya-molodyh-spetsialistov-na-gosudarstvennuyu-sluzhbu-v-regionah-sibiri-i-dalnego-vostoka> (дата обращения: 19.04.2026).
5. Монгуш А.А. Социологический анализ удовлетворённости трудом государственных и муниципальных служащих Республики Тыва // Социологические исследования. 2024. № 8. С. 112–119. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=59834217> (дата обращения: 19.04.2026).
6. Сергеева Н.М. Формирование кадрового резерва государственной гражданской службы: опыт регионов Центральной России // Власть. 2023. Т. 31. № 5. С. 73–81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kadrovogo-rezerva-gosudarstvennoy-grazhdanskoy-sluzhby-opyt-regionov-tsentralnoy-rossii> (дата обращения: 19.04.2026).
7. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва. Социально-экономическое положение Республики Тыва в 2024 году. URL: <https://17.rosstat.gov.ru/folder/38290> (дата обращения: 19.04.2026).

Статья поступила в редакцию 21.04.2026; одобрена после рецензирования 24.04.2026; принята к публикации 30.04.2026.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ НА УРОВНЕ РЕГИОНА РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

© Монгуш Ольга Николаевна

кандидат экономических наук, доцент,
Тувинский государственный университет
Россия, г. Кызыл
olga_vlad80@mail.ru

© Ондар Чейнеш Чойган-ооловна

обучающийся,
Тувинский государственный университет
Россия, г. Кызыл
cheinesh.1996@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются ключевые проблемы управления качеством жизни в Республике Тыва на основе статистических данных за 2019–2025 годы. Показано, что, несмотря на рост валового регионального продукта (в 1,7 раза за шесть лет), уровень бедности остаётся высоким — 23,5% в 2023 году, что почти втрое выше среднероссийского. Основная масса бедного населения сосредоточена в сельской местности, в структуре малоимущих преобладают многодетные и неполные семьи. Авторами предложена трехуровневая модель совершенствования управления качеством жизни, включающая инфраструктурную, социально-демографическую и экономическую компоненты. Обоснована необходимость дифференцированного подхода к сельским территориям как зонам концентрации депривации. Разработаны практические рекомендации по оптимизации региональной социальной политики с учётом специфики тувинского общества.

Ключевые слова: качество жизни, Республика Тыва, региональное управление, бедность, сельские территории, социальная инфраструктура, приоритеты развития, государственно-частное партнёрство, семейная политика, мониторинг.

IMPROVING PRIORITY DIRECTIONS OF POPULATION'S QUALITY OF LIFE MANAGEMENT AT THE REGIONAL LEVEL OF THE REPUBLIC OF TYVA

Olga N. Mongush

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Tuvan State University
Kyzyl, Russia
olga_vlad80@mail.ru

Cheinesh C. Ondar

Student,
Tuvan State University
Kyzyl, Russia
cheinesh.1996@gmail.com

Abstract. The article analyzes the key problems of quality of life management in the Republic of Tyva based on statistical data for 2019–2025. It is shown that, despite the growth of gross regional product (1.7

times over six years), the poverty rate remains high — 23.5% in 2023, which is almost three times higher than the Russian average. The majority of the poor population is concentrated in rural areas, with large and single-parent families prevailing among low-income households. The authors propose a three-level model for improving quality of life management, including infrastructural, socio-demographic and economic components. The necessity of a differentiated approach to rural areas as zones of deprivation concentration is substantiated. Practical recommendations for optimizing regional social policy are developed.

Keywords: quality of life, Republic of Tyva, regional management, poverty, rural areas, social infrastructure, development priorities, public-private partnership, family policy, monitoring.

Оценивать региональную власть без привязки к тому, как живут люди, бесполезно. Качество жизни — это и есть главный итог управления. В России регионы сильно различаются по доходам и возможностям. То, что работает в Москве или Татарстане, в дотационной республике может просто не дать результата.

Тува — очень показательный случай. Валовой региональный продукт растёт, но люди в массе своей этого почти не замечают. Бедность остаётся высокой, доехать до врача в отдалённом кожууне — проблема, качество среды проживания пока не дотягивает до средних по стране значений [1,с.41], [2,с.33].

Что такое «качество жизни» на деле

Это не один показатель. С одной стороны — объективные вещи: доходы, работа, жильё, доступность школ и больниц. С другой — как сами люди оценивают свою жизнь. Одно без другого не работает.

В экономике сложилось четыре основных подхода к оценке качества жизни: рейтинговый (сравнение регионов), пространственный (учёт географии), факторный (поиск причин) и кластерный (группировка территорий по схожим проблемам). По отдельности каждый подход даёт искажённую картину, вместе — позволяет получить более надёжные результаты [4,с.56].

На региональном уровне управление качеством жизни закреплено в стратегиях, национальных проектах и отраслевых программах [5,с.24]. Главный вопрос — насколько эти инструменты эффективны на практике, в конкретных территориях.

Динамика ВРП: рост есть, но толку мало

С 2019 по 2024 год номинальный объём валового регионального продукта Республики Тыва вырос с 79,3 млрд руб. до 136,1 млрд руб. — в 1,7 раза. Индекс физического объёма ВРП в 2024 году составил 103,9% при среднероссийском показателе 100,4% (рис. 1). Цифры хорошие.

Однако высокие темпы экономического роста пока не превращаются в повышение уровня жизни большинства населения. Доходы растут медленнее, бедность не снижается. Это указывает на несбалансированность структуры региональной экономики и слабую связь между макроэкономической динамикой и реальными доходами домохозяйств.

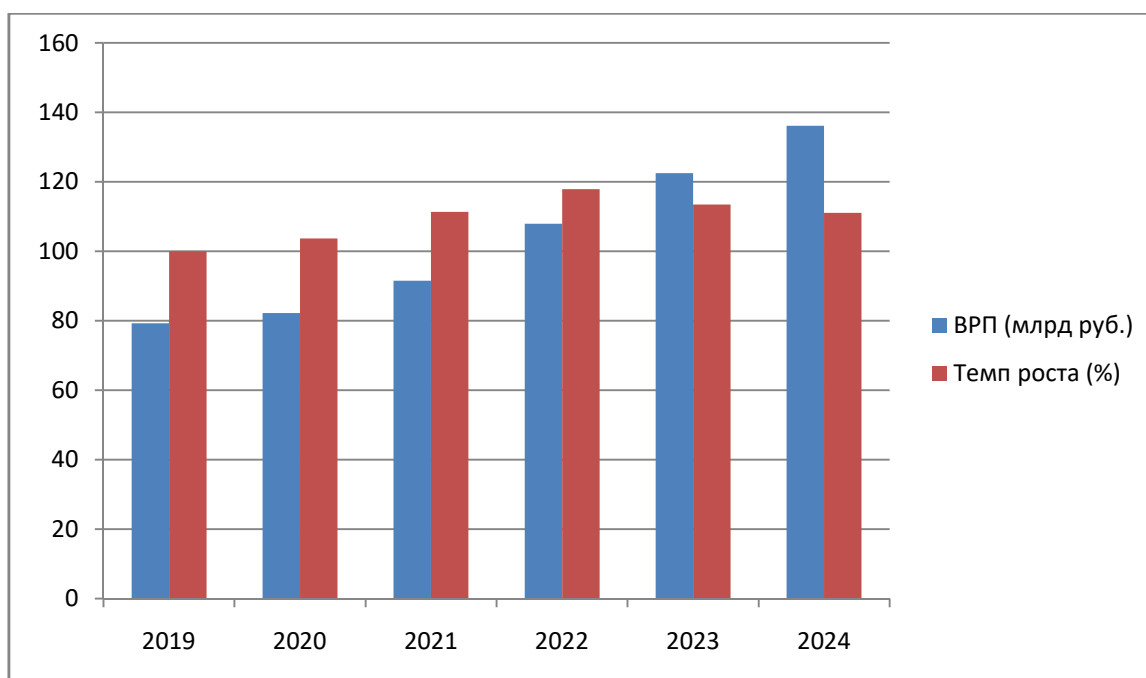

Рис. 1. Динамика валового регионального продукта Республики Тыва, 2019–2024 гг. (млрд руб. и % роста).

Бедность: село остаётся главной проблемной зоной

По среднедушевым доходам динамика положительная (табл. 1). Но уровень бедности в 2023 году составил 23,5% — это почти в три раза выше общероссийского показателя [6,с.42].

Таблица 1
Динамика доходов населения и уровня бедности в Республике Тыва (2019–2025 гг.)

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025 (9 мес.)
Среднедушевые денежные доходы, руб.	16488	18803	20435	24460	28934	33542	30912
Темп роста реальных доходов, %	105,6	114,0	108,7	119,7	118,3	115,9	112,5
Уровень бедности, %*	25,9	24,8	24,1	23,5	23,5	—	—
Уровень общей безработицы (по МОТ), %	12,5	18,2	15,3	9,5	6,6	4,9	5,1

* — по данным официальной статистики, оценка. [6; 7].

Уровень безработицы снизился с 12,5% в 2019 году до 4,9% в 2024 году. Это позитивный сдвиг. Однако, как отмечает Натсак О.Д. [2,с.48], основная масса бедного населения республики сосредоточена именно в сельской местности. В структуре малоимущих домохозяйств преобладают многодетные семьи и неполные семьи с детьми до 18 лет. Это означает, что меры поддержки должны быть адресными, семейно-ориентированными и дифференцированными по типу поселения.

Инфраструктура: заметные успехи, но сохраняются серьёзные проблемы

Реализация национальных проектов в 2019–2024 годах позволила существенно обновить социальную инфраструктуру республики. В рамках проекта «Здравоохранение» построен 61

объект (51 ФАП и 10 амбулаторий), приобретено 545 единиц оборудования и 18 передвижных ФАПов. В сфере образования введено в эксплуатацию 14 новых школ, в том числе 7 в городе Кызыле. В культурной сфере модернизировано 67 объектов, создано 16 модельных библиотек 77.

При этих очевидных успехах сохраняется другая острая проблема — жилищная депривация [8,с.100]. Строительство ФАПов и школ не решает вопрос с жильём. Нужны другие инструменты.

Предлагаемая трехуровневая модель

Вместо разрозненных мер предлагается три блока, которые должны работать в комплексе.

Первый уровень — инфраструктурный. Необходимо завершить создание сети ФАПов и врачебных амбулаторий в труднодоступных районах, развивать мобильные формы социального обслуживания (социальное такси, выездные бригады).

Второй уровень — социально-демографический. Адресная поддержка семей с детьми в сельской местности. Не просто пособия, а активные формы помощи: субсидирование занятости родителей, развитие детской инфраструктуры (детские сады, игровые площадки), отдельные жилищные программы для многодетных семей.

Третий уровень — экономический. Диверсификация занятости на селе через поддержку малого предпринимательства, развитие переработки сельскохозяйственной продукции (коневодство, овцеводство) и туристической инфраструктуры [9,с.137].

Практические рекомендации

1. Переход от затратной модели к инвестиционной — увеличение доли внебюджетных инвестиций в социальную сферу через механизмы государственно-частного партнёрства.

2. Дифференциация социальных программ по типам территорий. То, что работает в Кызыле, не подходит для отдалённых кожуунов. Там нужны мобильные бригады, социальное такси, другие форматы.

3. Внедрение ежегодного социологического мониторинга «Барометр качества жизни в Туве» с репрезентативной выборкой. Нужно видеть не только цифры, но и мнение самих людей.

4. Интеграция мер демографической и семейной политики в рамках единого регионального стандарта поддержки семей с детьми. Не разрозненные выплаты, а понятная и предсказуемая система.

Заключение

Республика Тыва демонстрирует противоречивую траекторию развития. Экономика растёт, нацпроекты строят школы и ФАПы. Но бедность на селе сохраняется. Главный разрыв — между макроэкономическими показателями и реальными доходами людей.

Приоритетные направления на ближайшие годы:

- инфраструктурная политика с акцентом на сельские территории;
- адресная семейная поддержка с учётом состава семьи и типа поселения;
- диверсификация занятости на селе (малый бизнес, переработка, туризм);
- регулярный мониторинг, объединяющий объективные и субъективные индикаторы.

Если эти меры будут учтены в новом цикле национальных проектов («Семья», «Продолжительная и активная жизнь»), Республика Тыва сможет начать сокращать отставание от общероссийских показателей качества жизни. Если нет — цифры ВРП будут расти, а уровень жизни людей оставаться низким.

Литература

1. Голова Е. А., Рассанова О. Е. Действующий механизм управления качеством жизни населения региона // Актуальные научные вопросы и современные образовательные технологии. 2020. Ч. 7. С. 41–45.
2. Колин К. К. Стратегические ориентиры в управлении качеством жизни в современном обществе // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. 2020. № 1 (32). С. 7–15.
3. Лисова Е. В. Уровень жизни населения в качестве оценки социального развития регионов РФ // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 3–2 (105). С. 145–148.
4. Митрошин А. А., Шитова Ю. Ю., Шитов Ю. А. Методы оценки качества жизни населения и социально-экономической дифференциации территорий: монография. Москва: ИНФРА-М, 2024. 96 с.
5. Натсак О. Д. Социально-демографический профиль бедного населения Республики Тыва // Журнал социологии и социальной антропологии. 2025. Т. 28. № 2. С. 33–68.
6. Официальный портал Республики Тыва. Итоги реализации национальных проектов в Республике Тыва (2019–2024). 2025. URL: <https://rtyva.ru> (дата обращения: 23.04.2026).
7. Петрова А. Т. Выявление приоритетов в управлении качеством жизни населения региона // Экономика, налоги, право. 2020. С. 135–142.
8. Поздеева О. Г. Оценка методов управления качеством жизни населения в регионе // Социально-экономические процессы современного общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 8 октября 2024 г.). Чебоксары: ИД «Среда», 2024. С. 99–102.
9. Ткачев А. Н. Социальная политика и качество жизни населения // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2020. № 2 (24). С. 24–27.

Статья поступила в редакцию 13.05.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 22.05.2026.

ПЛАТФОРМЕННАЯ ЭКОНОМИКА КАК НОВАЯ ФОРМА ЭКСПЛУАТАЦИИ НАЕМНОГО ТРУДА: МАРКСИСТСКИЙ АНАЛИЗ

© Пискунова Дарья Владимировна

обучающийся,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

daria.piskunova44@gmail.com

Аннотация. В данной статье платформенная экономика рассматривается как новая форма организации труда в условиях «цифрового капитализма». Анализируются особенности цифровых платформ, влияющих на организацию трудовых отношений. Особое внимание уделяется нестабильности доходов работника и его социальной незащищённости, перекладыванию экономических рисков платформы на работника и влиянию цифровых алгоритмов на рабочие процессы. Данные проблемы рассматриваются через призму марксистской политэкономии Карла Маркса, а именно, через теорию прибавочной стоимости, теорию отчуждения труда и концепцию резерва трудовой армии. В статье делается вывод о том, что платформенная экономика выступает новой формой эксплуатации труда, требующей необходимого государственного регулирования для защиты трудовых прав работников.

Ключевые слова: платформенная экономика, «цифровой капитализм», эксплуатация труда, марксистская политэкономия, прибавочная стоимость, отчуждение труда, резерв трудовой армии, цифровые платформы, трудовые отношения.

THE PLATFORM ECONOMY AS A NEW FORM OF WAGE LABOR EXPLOITATION: A MARXIST ANALYSIS

Daria V. Piskunova

Student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

daria.piskunova44@gmail.com

Abstract. In this article, the platform economy is examined as a new form of labor organization in the context of "digital capitalism". The article analyzes the features of digital platforms that affect the organization of labor relations. Special attention is given to the instability of an employee's income and their social vulnerability, the transfer of economic risks from the platform to the employee, and the impact of digital algorithms on work processes. These issues are examined through the lens of Karl Marx's Marxist political economy, specifically through the theory of surplus value, the theory of alienation of labor, and the concept of the reserve army of labor. The article concludes that the platform economy represents a new form of labor exploitation that requires necessary government regulation to protect the labor rights of employees.

Keywords: platform economy, "digital capitalism", labor exploitation, Marxist political economy, surplus value, alienation of labor, reserve army of labor, digital platforms, and labor relations.

В 21 веке цифровые технологии стали важнейшим фактором трансформации мировой экономики. Одним из наиболее заметных явлений стало быстрое развитие платформенной экономики, основанной на использовании цифровых сервисов для организации труда и предоставлении различных услуг. Например, цифровые платформы Yandex, Ozon и Uber объединяют миллионы работников и потребителей по всему миру. Трудовая занятость на подобных платформах активно распространяется в сферах перевозок, доставок, фриланса и других услуг. Согласно совместному исследованию Data Insight и Ventra Go!, российский рынок платформенной занятости по итогам 2025 года достиг 239 миллиардов рублей, а к 2028 году может превысить и 500 миллиардов рублей [1].

Развитие платформенных сервисов сопровождается изменением характера трудовых отношений и ростом нестабильной занятости. Формальная независимость работника — одна из ключевых особенностей трудовой занятости на цифровой платформе. Компании-платформы часто называют потенциального курьера, таксиста или фрилансера «партнером», а не наемным рабочим, что формирует ощущение того, что работает он «на себя» и ни от кого не зависит. Для платформ это весьма выгодно: они снижают издержки на социальные гарантии, страхование и оплату отпусков. Преимуществом выбора платформы как места труда для работника является свободный график и выбор количества заказов — это то, на что он может напрямую влиять, однако фактический доход будет полностью зависеть от рыночного спроса и внутренних алгоритмов платформы.

Важное значение в платформенной экономике приобретают алгоритмы. В отличие от традиционных форм занятости, контроль осуществляется преимущественно программными алгоритмами, а не людьми. Алгоритмы назначают заказы, ведут ценообразование и даже могут ограничить доступ к платформе работнику из-за снижения рейтинга его рабочей эффективности. Цифровая система выступает как инструмент поддержания трудовой дисциплины и контроля.

Ещё одной особенностью платформенной системы является трансфер экономических рисков на работника. Это проявляется в том, что платформы снимают с себя ответственность за социальные гарантии, стабильность дохода и безопасность труда, перекладывая эти риски на самого работника. Это связано со стратегией платформ по минимизации своих издержек.

Особенности платформенной экономики создают двойственный эффект. К плюсам для работников можно отнести гибкий график, быстрый старт без длительного обучения, возможность совмещения с другой работой или учёбой, автоматизация финансовых расчётов и саморазвитие. Существенными недостатками являются нестабильность дохода, социальная незащищённость, перекладывание рисков, зависимость от алгоритмов, высокая конкуренция и ограниченный карьерный рост [2]. Баланс между плюсами и минусами трудовой занятости для работника на платформенных сервисах требует комплексного подхода, ведь возникает большая проблема организации эксплуатации труда.

Особую значимость данная проблема приобретает через призму марксистской политэкономии Карла Маркса. Капиталистическая система не утратила своей актуальности по сей день, она лишь постепенно трансформировалась под влиянием цифровизации и технологического прогресса, и платформенная экономика как раз может рассматриваться как новая форма капиталистической эксплуатации труда.

Одним из центральных положений теорий Маркса является теория прибавочной стоимости. Карл Маркс определял прибавочную стоимость как разницу между стоимостью, созданной в процессе труда, и стоимостью его рабочей силы [3]. Эта разница присваивалась владельцем капитала в виде прибыли. В контексте платформенной экономики владельцы плат-

форм также извлекают прибыль из стоимости, созданной в процессе труда, только в виде комиссий, процентов и коэффициентов.

Отчуждение труда, по Марксу — это процесс, при котором человек теряет связь со своей сущностью, не видя смысла в результатах своего труда, а труд представляет собой лишь средством для выживания [4]. В платформенной экономике это проявляется через стандартизированные и однообразные микрозадачи, где работник лишается любого творческого потенциала. Также алгоритмы загоняют человека в «рамки»: они отслеживают его геолокацию, время выполнения задачи и соблюдение стандартов. Особенно чувство отчуждённости усиливает неспособность влиять работнику на правила работы.

Резервная армия труда — это необходимая составляющая капиталистической организации труда [3]. В этот резерв входят безработные и частично занятые, которые хотят работать, но не могут найти место работы, так как на трудовом рынке избыток рабочей силы. Такой избыток работников позволяет капиталистам платить меньше своим наемным рабочим, которые не вправе протестовать, ведь их легко заменит та самая резервная армия. Ту же ситуацию можно заметить и на платформенных сервисах. Работать может почти каждый, из-за чего и возникает та самая резервная армия труда — количество желающих работать превышает спрос на их труд. Работники вынуждены соглашаться на менее выгодные условия, ведь платформа легко их может заменить другими желающими.

Марксистская политэкономию позволяет рассматривать платформенную занятость как трансформированные в условиях цифровизации уже существующие капиталистические механизмы. В «цифровом капитализме» развитие технологий не только повышает производительность труда, но и усиливает контроль над ним. Форма эксплуатации становится более скрытой и гибкой, хотя основные механизмы, описанные в марксистской политэкономии Карла Маркса, сохраняются.

Платформенная экономика — это новая форма эксплуатации труда в контексте «цифрового капитализма». Несмотря на многие её преимущества, она создаёт серьёзные противоречия, связанные с нестабильным доходом, социальной незащищённостью и сильным контролем алгоритмов. Значительную роль в борьбе с этими проблемами может сыграть государственное регулирование.

Современное трудовое законодательство находится в стадии формирования законов, регулирующих деятельность платформ, например, Федеральный закон от 31.07.2025 N 289-ФЗ "Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации" вступит в силу уже 1 октября 2026 года. Однако данный закон регулирует только деятельность платформ и маркетплейсов, а не трудовые права и социальные гарантии работников. В связи с этим особую важность приобретает вопрос о дальнейшем совершенствовании трудового законодательства.

В условиях развития и распространения платформенной занятости одной из главных задач становится обеспечение баланса между развитием цифровой экономики и защитой трудовых прав работников.

Литература

1. Лысенко А. Уйти в подработчики: рынок платформ гибкой занятости вырос до 239 млрд рублей // Forbes Russia. 2026. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/556114-ujti-v-podrabotciki-rynok-platform-gibkoj-zanatosti-vyros-do-239-mlrd-rublej> (дата обращения: 22.05.2026).

2. Льянова М. Подработка стала новой социальной нормой: что происходит на рынке труда в России // Вечерняя Москва. 2026. URL: <https://vm.ru/society/1320845-podrabotka-stala-novoj-socialnoj-normoj-chto-proishodit-na-rynke-truda-v-rossii> (дата обращения: 22.05.2026).

3. Маркс К. Капитал. Т. 1. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1952. 794 с.

4. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. Москва: АСТ, 2023. 90 с.

Статья поступила в редакцию 22.05.2026; одобрена после рецензирования 25.05.2026; принята к публикации 01.06.2026.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МАЛОГО БИЗНЕСА НА ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМАХ

© Соктоев Ренат Баирович

обучающийся,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

gagulya_26@mail.ru

© Барлуков Александр Михайлович

кандидат экономических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

barlukov88@mail.ru

Аннотация. Многие цифровые платформы устроены по принципу торговой площадки, на которой множество продавцов и покупателей совершают сделки по необходимым для них товарам. Зачастую, продавцами на таких площадках становятся именно субъекты малого бизнеса. В первую очередь, такие цифровые платформы дают им возможность доступа к большому количеству потенциальных покупателей, что позволяет больше сосредоточиться на вопросах логистики и коммуникаций с производителем. Но такие цифровые платформы имеют возможность самостоятельно создавать собственные правила, которые для малого бизнеса могут оказаться неприемлемыми, и, в условиях жесткой конкуренции, привести к невозможности дальнейшего продолжения бизнеса. В связи с этим возникает вопрос о том, какие именно проблемы возникают у малого бизнеса и каков потенциал их разрешения.

Ключевые слова: цифровые платформы, малый бизнес, инфраструктура, ценообразование, конкуренция, монополизация.

INSTITUTIONAL PROBLEMS OF SMALL BUSINESS ON DIGITAL PLATFORMS

Renat B. Soktoev

Student,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

gagulya_26@mail.ru

Alexander M. Barlukov

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

barlukov88@mail.ru

Abstract. Many digital platforms are based on the principle of a trading platform, where many sellers and buyers make transactions on the goods they need. Often, it is small businesses that become sellers on such sites. First of all, such digital platforms give them the opportunity to access a large number of potential buyers, which allows them to focus more on logistics and communications with the manufacturer. How-

ever, such digital platforms have the opportunity to independently create their own rules, which may be unacceptable for small businesses and, in conditions of fierce competition, lead to the impossibility of further business continuation. This raises the question of exactly what problems small businesses have and what is the potential to solve them.

Keywords: digital platforms, small business, infrastructure, pricing, competition, monopolization.

В рамках цифровых платформ существует несколько их разновидностей. Инструментальные, инфраструктурные, и прикладные. Последние — наиболее распространенные и наиболее используемые несколькими субъектами (продавцами и покупателями) [3, с. 283]. Однако понятие продавцов и покупателей на таких платформах — достаточно условное, потому что зачастую их роль могут выполнять водители и пассажиры (в рамках цифровой платформы такси), или таких продавцов может быть несколько (на цифровых платформах доставки еды из ресторанов роль поставщиков услуг доставки играют курьеры, а роль поставщиков еды — рестораны, кафе, и магазины). Таким образом, малый бизнес в рамках цифровых платформ выступает, с одной стороны, как потребитель услуг (так как благодаря цифровой платформе находит клиента), и, с другой стороны, как продавец собственной продукции или поставщик собственных услуг. Соответственно, такая двойственная роль малого бизнеса приводит к интересному выводу: с одной стороны, малый бизнес на цифровых платформах предлагает собственный продукт, при этом пользуясь услугами непосредственно цифровой платформы.

Однако сами по себе цифровые платформы за годы развития превратились из небольших участников рынка в крупные экономические институты, зачастую конкурируя с традиционными игроками (например, крупнейшие маркетплейсы России конкурируют с игроками традиционного ретейла в сферах бытовой техники, электроники, одежды, а в некоторых регионах России уже и в сфере продуктов питания). В таких условиях цифровые платформы сталкиваются с новыми проблемами и вызовами. Например, вышеупомянутые маркетплейсы зачастую до сих пор работают в убыток. Так, на состояние 2025 года, Ozon и направление электронной коммерции «Яндекса» оставались убыточными, из всех маркетплейсов прибыль показали только Lamoda и Wildberries [4]. В связи с этим, возникает вопрос о том, как сделать такую цифровую платформу прибыльной.

И в данном случае необходимо снова обратиться к малому бизнесу и его роли в рамках таких цифровых платформ. Фактически, как уже было отмечено, в рамках цифровой платформы присутствует продавец и покупатель. Соответственно, обе стороны пользуются услугами цифровых платформ. И каждая из этих сторон может платить за пользование услугами платформы. Покупатель может платить комиссию за пользование услугами, продавец также может платить комиссию и плату за логистические услуги.

Однако перекладывать издержки цифровых платформ на покупателя слишком рискованно, потому что в условиях высокой конкуренции на рынке он может уйти на другую платформу, а продавцы также могут пойти на новую платформу за покупателем, потому что для них особенно важно число потенциальных покупателей. Более оптимальным вариантом для цифровых платформ является перекладывание издержек на продавца, зачастую в лице малого бизнеса.

Малый бизнес при прочих равных условиях будет выбирать цифровую платформу, исходя из числа потенциальных клиентов, и в этом контексте он готов понести большие убытки в случае оплаты услуг цифровой платформы, чем в случае потери потенциальной клиентской базы.

Однако это работает только при том условии, что конкретный продавец имеет определенную покупательскую базу и может как минимум приблизительно спрогнозировать продажи, и, соответственно, доход в ближайшем будущем. При этом комиссия от продаж или за конкретный промежуток времени — это лишь часть потенциальных расходов от пользования платформой, куда также могут входить расходы на логистику, на возврат товаров (в случае с маркетплейсами). Иными словами, расходы только от пользования цифровой платформой могут составлять значительные суммы. В совокупности с тем фактом, что не каждый продавец имеет возможность прогнозировать свои доходы на основании предыдущих показателей. Это создает барьер входа. И на самом деле, повышение комиссий для продавцов уже негативно влияют на рынок. Так, с конца 2023 года до конца 2025 года снижается число новых продавцов на российских маркетплейсах, что связано в том числе с ростом комиссий [2].

Иными словами, комиссии цифровых платформ уже становятся важным барьером входа на рынок. Вместе с тем, такие комиссии также становятся и фактором монополизации (если рассматривать монополизацию не как захват рынка одним игроком, а как процесс укрупнения игроков в совокупности с увеличением доли рынка последних). Отмечается, что 99% продавцов на маркетплейсах получает 27% всего дохода, тогда как на 1% продавцов приходится 73% дохода [2].

Монополизация в сфере малого бизнеса — ещё одна очень важная и одновременно очень сложная проблема для цифровых платформ и малого бизнеса, который работает на таких платформах. У цифровых платформ нет возможностей для противодействия такой монополизации. Конечно, платформы гипотетически могут устанавливать заградительные комиссии и платежи для наиболее крупных продавцов, однако самой цифровой платформе вводить таких ограничений, очевидным образом, не будет выгодно, потому что цифровая платформа заинтересована в том, чтобы торговый оборот постоянно рос, и вопрос о том, будет ли его повышать крупный или маленький игрок, для цифровой платформы не является принципиально важным.

Иными словами, у цифровой платформы отсутствует возможность и желание преодолеть потенциальную монополизацию рынка. И это приводит к тому, что малый бизнес в рамках конкуренции между продавцами на цифровой платформе сталкивается, с одной стороны, с барьерами входа и с другой стороны, с монополизацией в рамках самой цифровой платформы.

Может ли сама цифровая платформа повлиять на эти проблемы? Гипотетически, может, однако для самой цифровой платформы это не несет никакой выгоды.

Потенциальная монополизация товарных групп или отдельных товаров одним продавцом практически невозможна, так как в таком случае появится другой продавец, который может поставить более низкую цену за аналогичный товар. Но монополизация несколькими крупными игроками остается возможной, так как в таких условиях аналогичный товар со стороны менее крупного игрока практически всегда будет проигрывать по цене при аналогичном качестве и иных потребительских свойствах. Цифровая платформа может на них повлиять, однако в таком случае произойдет снижение товарооборота, от которого зависит доходность цифровой платформы.

И преодолеть возникающие барьеры входа цифровая платформа также не может, потому что в этом случае цифровой платформе придется снижать собственную доходность. С учетом того, что цель цифровых платформ заключается в достижении прибыли, это может очень сильно усугубить ситуацию, вплоть до невозможности содержать нерентабельную цифровую платформу.

Рассматривая этот вопрос в контексте вышеуказанных российских маркетплейсов, очевидно, что данные проблемы касаются и российского малого бизнеса, который занимается продажей товаров на таких маркетплейсах.

И в действительности, ситуация очень сложная. В традиционных экономических условиях защита малого бизнеса — это задача государственных антимонопольных органов. Однако на данный момент не до конца понятно, как именно такие органы должны защищать малый бизнес в конкуренции друг с другом на частной цифровой платформе и должны ли они вообще защищать его.

Можно предположить, что гораздо важнее — это обеспечить конкуренцию между несколькими цифровыми платформами, так как в таком случае конкуренция будет вестись в том числе и за игроков малого бизнеса, что будет способствовать предоставлению более привлекательных условий для последних. Так, не смотря на снижение числа продавцов на маркетплейсах до 2025 года, в 2026 году отмечается положительная динамика [1].

Таким образом, институциональные проблемы малого бизнеса на цифровых платформах — это отдельное направление исследований новой цифровой экономики. Однако уже можно отметить, что имеются зарождающиеся проблемы в виде потенциальной монополизации и роста барьеров входа в рамках цифровых платформ.

Литература

1. Количество продавцов на маркетплейсах в России увеличилось на треть // Retail.ru. 2026. URL: <https://www.retail.ru/news/kolichestvo-prodavtsov-na-marketpleysakh-v-rossii-uvelichilos-na-tret-20-maya-2026-277946/> (дата обращения: 30.05.2026).
2. Маркетплейсы расширились до предела: число новых селлеров перестало расти // ADPASS. 2025. URL: <https://adpass.ru/kolichestvo-prodavcov-na-marketplejsakh-snizhaetsya/> (дата обращения: 30.05.2026).
3. Невровский А. В. Зинцова М. В. Определения и классификации цифровых платформ / А. В. Невровский, М. В. Зинцова // Московский экономический журнал. 2024. № 9. С. 281-300.
4. Почему большинство маркетплейсов по-прежнему работают в минус // Коммерсантъ. 2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7639495> (дата обращения: 30.05.2026).

Статья поступила в редакцию 01.06.2026; одобрена после рецензирования 03.06.2026; принята к публикации 11.06.2026.

Требования к оформлению статей

Объем текста — до 10 страниц.

Оригинальность текста — не менее 70%

Аннотация — расширенная, 100 слов.

Ключевые слова: не менее 5 и не более 10.

Формат текста: Microsoft Word (с расширением *.doc, *.docx) Формат А4.

Ориентация: книжная.

Поля: правое — 15 мм, левое — 25 мм, верхнее и нижнее — 20 мм.

Шрифт: Times New Roman, размер (кегель) — 14.

Список литературы и аннотация, ключевые слова — 12 пт.

Межстрочный интервал: полуторный (1,5).

Абзацный отступ: 5 мм

Форматирование: по ширине.

Не допускаются разрывы разделов, страниц, колонки, использование разреженного или уплотненного межбуквенного интервала.

Нумерация страниц не проставляется.

Рисунки и таблицы: графические материалы (текст в трудночитаемых шрифтах, графики, диаграммы, картинки и проч.) представляются с разрешением не менее 300 dpi. формате *.tif или *.jpg

Рисунки и таблицы отделяются от текста сверху и снизу пустой строкой. На все таблицы и рисунки в тексте должны быть ссылки (табл. 1; рис. 1).

Текст статьи должен быть тщательно вычитан и отредактирован. Авторы несут ответственность за содержание статей, за достоверность приведенных в статье фактов, цитат, статистических и иных данных, имен, названий и прочих сведений.

Перед индексом отдельной строкой права указывают тип статьи, например: научная статья, обзорная статья, краткое сообщение, рецензия и т. д.

Индекс УДК подбирается на сайте <http://teacode.com/online/udc>

Список литературы должен включать не менее 2 источников (научные статьи, монографии, диссертационные исследования, статистические сборники). Все источники должны иметь авторов.

На все указанные в списке литературы источники в тексте статьи должны быть сделаны ссылки, оформленные в соответствии с требованиями.

Сведения об авторах указываются полностью фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание / обучающийся и официальное название места работы / место обучения (желательно из устава), город, страна в именительном падеже (на русском и английском языках), e-mail.

Список литературы: оформляется в конце статьи в алфавитном порядке под названием «ЛИТЕРАТУРА». В тексте **ссылки на литературу** обозначаются квадратными скобками с указанием номера источника и через запятую — номера страницы: [1, с. 48]. **Постраничные сноски не допускаются.**

Не допускается автоматическая нумерация списка литературы. Нумерация списка в тексте делается вручную.

В списке литературы сначала указываются отечественные источники, после них — иностранные.

Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание»

Оплата производится только после прохождения процедуры рецензирования и получения уведомления о принятии статьи к опубликованию. Публикация статей осуществляется только после оплаты автором редакционно-издательских услуг.

Стоимость обработки одной статьи объемом до 10 страниц составляет 1500 рублей.

Статьи высылаются на эл. почту издания: inser@bsu.ru

Образец оформления

Научная статья

УДК 123.456

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

© **Иванов Иван Иванович**

кандидат экономических наук, доцент,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, г. Улан-Удэ

abcd@mail.ru

Аннотация. 100 слов.

Ключевые слова: 5–10 слов.

ARTICLE TITLE

Ivan I. Ivanov

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

Ulan-Ude, Russia

abcd@mail.ru

Abstract. 100 words.

Keywords: 5–10 words.

Текст. Текст. Текст [1, с. 48]. Текст (табл. 1).

Таблица 1

Наименование таблицы

1	2	3
4	5	6

Текст. Текст. Текст (рис. 1).

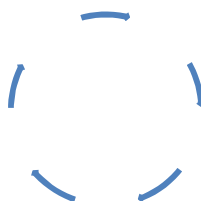

Рис. 1. Название рисунка

Текст. Текст. Текст.

Литература

1. Источник

2. Источник